

Мертвые повелевают

Автор:

Висенте Бласко-Ибаньес

Мертвые повелевают

Висенте Бласко-Ибаньес

«Хаиме Фебреръ поднялся въ девять часовъ утра. Мад? Антоніа, присутствовавшая еще при его крещеніи, ревиительница семейной славы, съ восьми часовъ суетилась въ комнат?, приготавливаясь разбудить его. Ей показалось, что недостаточно св?та проходитъ черезъ жалюзи високаго окна: она открыла деревянныя, источенныя червями створки, лишеныя стеколъ. Зат?мъ подняла занав?ски изъ красной камки, съ золотыми обшивками, словно палатки раскинутыя надъ широкой постелью, старинной, барской, великол?пной, на которой рождались, производили потомство и умирали покол?нія Фебреровъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Висенте Бласко Ибаньесъ

Мертвые повел?ваютъ

Часть первая

Хаиме Фебреръ поднялся въ девять часовъ утра. Мад? Антоніа, присутствовавшая еще при его крещеніи, ревиительница семейной славы, съ восьми часовъ суетилась въ комнат?, приготавливаясь разбудить его. Ей показалось, что недостаточно св?та проходить черезъ жалюзи високаго окна: она открыла деревянныя, источенныя червями створки, лишенныя стеколъ. Зат?мъ подняла занав?ски изъ красной камки, съ золотыми обшивками, словно палатки раскинутыя надъ широкой постелью, старинной, барской, великол?пной, на которой рождались, производили потомство и умирали покол?нія Фебреровъ.

Ночью, вернувшись изъ казино, Хаиме строго – настрого приказалъ разбудить себя пораньше. Онъ приглашенъ на завтракъ въ Вальдемосу. Отлично! Было прекрасн?йшее весеннее утро; въ саду хоромъ заливались птицы на цв?тущихъ в?твяхъ, колеблемыхъ морскимъ в?тромъ дувшимъ поверхъ ст?ны.

Служанка вышла въ кухню, увидавъ, что сеньоръ наконецъ, р?шилъ разстаться съ постелью. Хаиме Фебреръ почти не од?тый расхаживалъ по комнат? передъ окномъ, разд?леннымъ надвое тончайшей колонной. Онъ не боялся, что его увидятъ. Напротивъ находился такой же старинный дворецъ, – громадный домъ съ небольшимъ числомъ оконъ. Передъ его окномъ тянулись ст?ны неопред?леннаго цв?та, съ глубокими трещинами и остатками старой окраски. Улица была узкая, и ст?ну, казалось, можно было достать рукой.

Хаиме поздно заснулъ: онъ волновался и нервничалъ, размышляя о важномъ шаг?, который ему предстояло утромъ совершить. Отъ тревожнаго, непродолжительнаго сна голова его отяжел?ла; онъ почувствовалъ властную потребность осв?житься сладостно – прохладной водой. Умываясь въ студенческой, маленькой, простой чашк? для бритья, Фебреръ сд?лалъ печальное лицо. О, нищета!.. Не было самыхъ примитивныхъ удобствъ въ этомъ дом?, дом? барской, старинной роскоши, – такой роскоши современные богачи не могли создать. Б?дность, со вс?ми ея огорченіями, подстерегала его въ этихъ залахъ, напоминавшихъ блестящія декораціи н?которыхъ театровъ, которыя онъ вид?лъ, путешествуя по Европ?.

Словно посторонній члов?къ, впервые входящій въ спальню, съ удивленіемъ разглядывалъ Фебреръ громадную комнату съ ея высокимъ потолкомъ. Его могущественные предки строили для гигантовъ. Каждая комната дворца была величиною съ нов?йшій домъ. Въ окн? не им?лось стеколъ, какъ и въ остальныхъ окнахъ зданія, и зимою приходилось держать створки затворенными: св?тъ

проникалъ тогда лишь черезъ жалюзи окна, почернѣвшія отъ времени, покрытыя осколками стекла. Не было ковровъ на полу изъ песчаного, мягкаго майорскаго камня, изрѣзаннаго какъ дерево прямоугольниками. Потолки сохраняли еще слѣды блеска старинной штукатурки, то темные, съ искусственными соединеніями, то съ внушительной позолотой, и на ней выступали цвѣтныя поля родовыхъ гербовъ. Высочайшія, просто выбѣленные известкой стѣны исчезали въ однѣхъ комнатахъ за рядами картинъ, а въ другихъ – за великолѣпными занавѣсками яркихъ цвѣтовъ, не потускнѣвшихъ отъ времени. Спальня была украшена восемью шпалерами цвѣта зелени высохшаго листа: на нихъ – сады, широкія аллеи съ осенними деревьями, съ площадкой въ концѣ, гдѣ бродили олени или струились уединенные ключи въ тройныхъ водоемахъ. Надъ дверьми висѣли старинныя итальянскія, приторно – слащавыя картины: дѣти, сверкая янтарными тѣлами, играли съ курчавыми ягнятами. Арка, отдѣлявшая спальню въ точномъ смыслѣ слова отъ остальной части комнаты, имѣла нѣсколько триумфальный видъ: колонны съ желобками поддерживали рѣзную листву, – все изъ блѣднаго, скромнаго золота, словно у алтаря. На столѣ восемнадцатаго вѣка красовалось многоцвѣтное изображеніе св. Георгія, топчущаго мавровъ своимъ скакуномъ. Дальше – кровать, импонирующая кровать, памятникъ семейной гордости. Нѣсколько старинныхъ креселъ, съ кривыми ручками, съ краснымъ выцвѣтшимъ и вылѣзшимъ бархатомъ – мѣстами виднѣлась бѣлая рама – стояли въ перемежку съ соломенными стульями и плохенькимъ умывальникомъ. «О, нищета!» – снова подумалъ собственникъ майората. Старый, огромный домъ Фебреровъ, съ его красивыми окнами безъ стеколъ, съ его залами въ шпалерахъ, но безъ ковровъ, съ его почтенною мебелью, перемѣшанною съ самыми жалкими предметами, походилъ на принца въ нищетѣ, еще гордо драпирующагося въ блестящій плащъ и со славной короной на головѣ, но необутаго и безъ бѣлья.

Таковъ былъ этотъ дворецъ, величественная, пустая громада, – нѣкогда хранительница славы и богатствъ его предковъ. Одни были купцами, другіе – воинами, третьи – мореправителями. Гербы Фебреровъ развевались на вымпелахъ и флагахъ болѣе чѣмъ полсотни марсовыхъ судовъ – цвѣта майорскаго флота, которыя, получивъ приказанія въ Пуэрто Пи, отправлялись продавать островное масло въ Александрію, грузили пряности, шелкъ и благовонія Востока въ Мало – Азіатскихъ гаваняхъ, торговали съ Венеціей, Пизой и Генуей или, минуя Геркулесовы столбы, пропадали въ туманахъ сѣверныхъ морей и возили во Фландрію и Ганзейскія республики полуфарфоръ валенсійскихъ морисковъ, называвшійся у иностранцевъ майоликой, изъ-за его маіорскаго происхожденія. Постоянное плаваніе по морямъ, кишѣвшимъ пиратамъ, сдѣлало изъ семьи богатыхъ купцовъ племя храбрыхъ солдатъ.

Фебреры сражались или заключали союзы съ турецкими, греческими и алжирскими корсарамы, эскортируя ихъ флоты по сѣвернымъ морямъ, грозя англійскимъ пиратамъ, и однажды, при входѣ въ Босфоръ, ихъ галеры даже напали на генуэзцевъ, монополизировавшихъ торговлю съ Византіей. Потомъ эта династія морскихъ воиновъ, прекративъ торговое мореплаваніе, платила дань кровью, защищая христіанскія королевства и католическую вѣру, отрядивъ часть своихъ сыновей въ святую милицію мальтійскихъ рыцарей. Младшіе члены дома Фебреровъ, вмѣстѣ съ водой крещенія, получали на свои пеленки вышитый бѣлый восьмиконечный крестъ, символизировавшій восемь блаженствъ, Придя въ зрѣлый возрастъ, они командовали воинственными галерами Ордена и кончали свои дни богатыми мальтійскими командорами, повѣствуя о своихъ подвигахъ дѣтямъ своихъ племянницъ. и поручая уходъ за своими недугами и ранами невѣрнымъ рабынямъ, жившимъ съ ними, не смотря на обѣтъ цѣломудрія. Знаменитые монахи, проѣзжая черезъ Майорку, изъ крѣпости Альмудайны дѣлали визиты во дворецъ Фебреровъ. Одни были адмиралами королевскаго флота, другіе губернаторами отдаленныхъ областей. Нѣкоторые покоились вѣчнымъ сномъ въ соборѣ Ла Вилетте: вмѣстѣ съ другими славными майоркинцами; Хаиме видѣлъ ихъ гробницы при посѣщеніи Мальты. Пальмская «Лонха» (биржа), красивое готическое зданіе около моря, въ теченіе вѣковъ было леннымъ владѣніемъ его предковъ. Фебрерамъ принадлежало все, что выбрасывали на сосѣдній молъ галеры съ высокими башнями, кенги съ тяжелыми остовами, легкія фусты, суда съ косыми парусами, плоты и другія суда тѣхъ временъ. И въ громадномъ, колонномъ залѣ «Биржи», у соломоновыхъ колоннъ, терявшихся во мракѣ сводовъ, его предки принимали, словно короли, восточныхъ мореплавателей, въ широкихъ шароварахъ и ярко - пурпурныхъ колпакахъ, генуэзцевъ и провансальцевъ въ короткихъ плащахъ съ клобуками, храбрыхъ вождей острова въ красныхъ остроконечныхъ каталонскихъ шапкахъ. Венеціанскіе купцы посылали своимъ майоркскимъ друзьямъ мебель краснаго дерева съ изящной рѣзьбой изъ слоновой кости и глазури или большія зеркала съ голубымъ стекломъ и кристальной рамкой. Возвращавшіеся изъ Африки мореплаватели привозили пучки страусовыхъ перьевъ, слоновые клыки. И тѣ и другія драгоцѣнныя вещи шли на украшеніе залы дома, благоухающихъ таинственными духами - подаркомъ азіатскихъ товарищей.

Фебреры въ продолженіе вѣковъ были посредниками между востокомъ и западомъ, сдѣлали изъ Майорки складъ экзотическихъ продуктовъ, которые ихъ корабли развозили по Испаніи, Франціи и Гоіландіи. Баснословныя богатства текли въ домъ. Иногда Фебреры устраивали займы королямъ. Но не смотря на это минувшей ночью Хаиме, послѣднему изъ рода, проигравшему все, что имѣлъ (нѣсколько сотъ песетъ) пришлось, чтобы отправиться утромъ въ Вальдемосу,

взять деньги у контрабандиста Тони Клапеса, грубаго, но смышленного челоука, самаго в?рнаго и безкорыстного изъ его прятелей.

Причесываясь, Хаиме посмотр?ль въ старинное зеркало, расколотое, съ туманнымъ стекломъ. Тридцать шесть л?тъ: не могъ пожаловаться на наружность! Безобразень, грандіозно безобразень, какъ выражалась женщина, им?вшая н?которое вліяніе на его судьбу. Уродство доставило ему однажды усп?хи въ любви. Миссъ Мэри Гордонъ, б?локурая идеалистка, дочь губернатора англійскаго архипелага въ Океаніи путешествовавшая по Европ? въ сопровожденіи одной дов?ренной особ?, познакомилась съ нимъ какъ-то л?томъ въ мюнхенскомъ отел? и, очарованная, сд?лала первыя шаги. Испанецъ, по мн?нію миссъ, былъ живымъ портретомъ Вагнера въ молодости. И, улыбаясь прятному; воспоминанію, Фебреръ разсматривалъ свой шарообразный лобъ, придавившій, казалось, своей тяжестью внушительные, маленькіе, ироническіе глаза, отт?ненные толстыми бровями. Носъ острый, орлиный, – носъ, какъ у вс?хъ Фебреровъ, см?лыхъ хищныхъ птицъ морскихъ пустынь; презрительный, поджатый ротъ; выдающійся подбородокъ, покрытый н?жной и р?дкой растительностью бороды и усовъ. О, восхитительная миссъ Мэри! Съ годъ продолжалось веселое сгранств?ваніе по Европ?. Она, безумно влюбленная въ него благодаря сходству съ геніемъ, хот?ла выйти за него замужъ и толковала ему о милліонахъ губернатора, м?шая романтическіе восторги съ практическими наклонностями своей расы. Но Фебреръ, въ конц? концовъ, сб?жалъ, не дожидаясь, пока англичанка пром?няетъ его на какого-нибудь режиссера оркестра, челоука, бол?е похожаго на ея кумира.

Охъ, женщины!.. И Хаиме расправлялъ свое кр?пкое, мужественное т?ло, н?сколько сутулое, благодаря чрезм?рному росту. Уже давно онъ р?шилъ не интересоваться ими. Легкая с?дина въ бэрод?, легкія морщинки на кож? въ углахъ глазъ говорили объ утомленіи жизнью, несшейся, по его словамъ, «на полныхъ парахъ», Но женщины все – таки еще шли къ нему на встречу.

Именно любовь должна была спасти его изъ б?дственного положенія.

Окончивъ туалетъ онъ вышелъ изъ спальни. Прошелъ громадн?йшую залу, осв?щенную солнечными лучами, падавшими сквозь отверстія закрытыхъ оконъ. Полъ былъ въ т?ни, а ст?ны сверкали, словно садъ яркими красками, въ безконечныхъ шпалерахъ съ фигурами вдвое большими обычныхъ. Тутъ красовались ми?ологическія и библейскія сцены, вызывающія дамы, съ полнымъ, розовымъ т?ломъ сіреди красныхъ и зеленыхъ воиновъ, громадныя колоннады,

дворцы въ цвѣточныхъ гирляндахъ, турецкія сабли на – голо, головы на землѣ; группы толстобрюхихъ коней, съ поднятой ногой – цѣлый міръ старыхъ легендъ, въ свѣжихъ, пестрыхъ тонахъ, несмотря на многовѣковую давность, окаймленный рамкой яблокъ и лисгвы.

Проходя, Фебреръ ироническимъ взглядомъ окинулъ эти богатства, унаследованныя отъ предковъ. Ему ничего не принадлежало. Больше года шпалеръ этой залы и спальни составляли собственность пальмскихъ ростовщиковъ. Ростовщики оставили ихъ висѣть на прежнемъ мѣстѣ. Они дожидались какого-нибудь любителя – богача, который заплатилъ бы болѣе щедро, въ увѣренности, что пріобрѣтаетъ ихъ отъ самого владѣльца. Хаиме былъ простымъ хранителемъ, и въ случаѣ недобросовѣстнаго наблюденія за ними ему грозила тюрьма.

Въ срединѣ залы онъ машинально, въ силу привычки, сдѣлалъ небольшой обходъ, но расхохотался, увидавъ, что ничто не преграждаетъ ему дороги. Мѣсяць тому назадъ здѣсь стоялъ итальянскій столъ изъ драгоцѣннаго мрамора, привезенный знаменитымъ командиромъ дономъ Пріамо Фебреромъ послѣ одной каперской экспедиціи. Дальше также дорога была свободна. Громадная серебряная жаровня на серебряной же подставкѣ, съ ангелочками кругомъ, поддерживавшими это сооруженіе, Ферберъ превратилъ въ деньги, продавъ на вѣсъ. Жаровня заставила его вспомнить о золотой цѣпи, подарокъ императора Карла V одному предку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ продалъ цѣпь въ Мадридѣ также на вѣсъ, получивъ въ придачу двѣ золотыхъ унціи за артистическую работу и древность. Послѣ до него дошли слухи, что ее купили въ Парижѣ за сто тысячъ франковъ. О, нищета! Кабальеро не могутъ жить въ нынѣшнія времена. Его взглядъ упалъ на громадныя блестящія шкатулки венеціанской работы, на старинныхъ столахъ, поддерживаемыхъ львами. Казалось, онѣ сдѣланы для гигантовъ, съ безчисленными, глубокими ящиками, на лицевой сторонѣ которыхъ, покрытыхъ яркой эмалью, изображены были мифологическія сцены. Четыре великолѣпныя вещи для музея: легкое воспоминаніе о быломъ великолѣпнѣи дома. Также не принадлежали. Онѣ раздѣлили участь шпалеръ и ожидали здѣсь себѣ покупателя. Фебреръ былъ простымъ консьержемъ собственнаго жилища. Въ свою очередь, принадлежали кредиторамъ итальянскія и испанскія картины, украшавшія стѣны двухъ сосѣднихъ кабинетовъ, старинная мебель съ протертымъ и испорченнымъ шелкомъ, но съ красивой рѣзьбой, – однимъ словомъ, все, что сохранилось сколько-нибудь цѣннаго отъ остатковъ накоплявшагося вѣками наслѣдства.

Онъ вошелъ въ пріемную залу, обширную комнату въ центрѣ зданія, прохладную, съ высочайшимъ потолкомъ, сообщавшуюся съ лѣстницей. Бѣлыя стѣны съ годами приняли желтоватый цвѣтъ слоновой кости. Чтобы увидать черный лѣпной потолокъ, требовалось закинуть голову назадъ. Помимо нижнихъ оконъ залу, громадную и строгую, освѣщали окна у карниза. Мебель немногочисленная, монастырская: помѣстительныя кресла съ плетеными сидѣньями и стѣнками, украшенными гвоздями; дубовые столы на изогнутыхъ ножкахъ; темные сундуки съ заржавѣвшими замками, на подстилкахъ изъ зеленаго, изъѣденнаго молью сукна. Лишь желтоватая бѣлизна стѣнъ выступала, словно рѣшетка, между рядами картинъ; – многія изъ нихъ безъ рамокъ. Были сотни картинъ; всѣ плохія и въ тоже время интересныя, писанныя по заказу, чтобы увѣковѣчить славу рода, произведенія старинныхъ итальянскихъ и испанскихъ художниковъ, проѣзжавшихъ черезъ Майорку. Чарами преданій, казалось, вѣяло въ этихъ картинахъ. Здѣсь говорила исторія Средиземнаго моря, написанная неумѣлыми или даровитыми кистями: встрѣчи галеръ, штурмы крѣпостей, великія морскія битвы: клубы дыма; а надъ ними вымпела кораблей и высокія носовыя башни съ развѣвающими знаменами малтійскаго креста или полумѣсяца. Люди сражались въ закрытыхъ судахъ или лодкахъ, рядомъ съ судами; море, покраснѣвшее отъ крови или пламени судовъ, пестрѣло сотнями головъ тѣхъ, чьи суда потонули; послѣдніе, въ свою очередь, вели битву между собою среди волнъ. Масса шлемовъ и шляпъ съ опущенными полями бросалась на корабля, усѣянная массой бѣлыхъ и красныхъ тюрбановъ; а надъ ними возвышались мечи и пики, сабли и абордажные топоры. Выстрѣлы пушекъ и ракеты красными огнями прорѣзывали дымъ битвы. На другихъ полотнахъ, менѣе темныхъ, виднѣлись крѣпости, изрыгавшія пламя черезъ бойницы, а у подножія ихъ воины съ бѣлыми, восьмиконечными крестами на панцыряхъ, ростомъ почти съ башню, приставлями къ стѣнамъ лѣстницы для штурма.

Рядомъ съ картинами бѣлыя дощетки, опять-таки съ изображеніями герба, и на нихъ, крупными буквами, съ дефектами, повѣствованія объ успѣхахъ: побѣдоносныхъ встрѣчахъ съ галерами Великаго Турка или съ пизанскими, женевскими, бискайскими пиратами; о войнахъ въ Сардиніи; и штурмахъ Бужи и Теделица. И во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ какой-нибудь Фебреръ руководилъ сражавшимися или же отличился своимъ героизмомъ. Но всѣхъ превзошелъ командоръ донъ Пріамъ, дьявольски смѣлый герой, шутникъ и мало вѣрующій, слава и позоръ рода.

Въ перемѣшку съ военными сценами висѣли семейные портреты. Вверху, подъ старинными картинами, изображавшими евангелистовъ и мучениковъ и образовывавшими фризъ, красовались болѣе древніе Фебреры, почтенные

майоркские купцы, нарисованные несколько столетий спустя после их смерти: важные мужчины с еврейскими носами и острыми глазами, с драгоценностями на груди, в высоких круглых шапках восточного образца. Далее шли военные, вооруженные мореплаватели, с выбритыми головами и профилем хищных птиц: все в черных стальных доспехах, некоторые с большим мальтийским крестом. С каждым портретом черты лица становились тоньше, но выпуклый череп и характерный нос сохранялись. Воротник рубашки, широкий, свободный, из грубой шерсти, постепенно поднимался, уступая место накрахмаленному, выглаженному складками. Панцирь превращался в бархатную или шелковую безрукавку. Жесткие, широкие бороды императора сменялись заостренными бородками и усами, и на лоб нависали брови. Среди грубых воинов и элегантных кавалеров выделялись черные платья священнослужителей с усиками и бородками, в высоких четырехугольных шапочках с кисточками. Одни были уважаемые мальтийские монахи, судя по большым отличиям на груди, – другие – почтенные майоркские инквизиторы, судя по легендам об их ревностном служении в 1797. За этими сеньорами, черными, с внушительным выражением лица, суровыми глазами, дефилировали мужчины в больших париках, обритые – потому лица их казались детскими – в великопальных мундирах из шелка и золота, в лентах и орденах. Это были неизменные рехидоры города Пальмы; маркизы, чьи маркизские прерогативы благодаря брачным связям были потеряны для семьи – их титулы мешались с титулами знати Полуострова; губернаторы, главнокомандующие, вице – короли американских и океанских земель; их имена воскрешали видения фантастических богатств; энтузиасты *botiflers*, сторонники Бурбонов с самого начала, принужденные заткнуть брата из Майорки, последнего оплота Австрии, в качестве почетного титула, носившие прозвище *butifarras* (продавцы вываренного мяса свиных голов), данное им враждебным населением. Закрывая славные ряды, почти в уровень с мебелью висели портреты последних Фебреров, начала XIX в., офицеров Армады, с короткими бакенбардами, локонами на лбу, в высоких воротниках, украшенных золотыми якорями и черными галстуками: они сражались при мысе Сан-Висенте и Трафальгар. За ними следовал прадедушка Хаиме, старик с суровыми глазами и презрительными складками рта: при возвращении Фернандо VII из французского плена он отправился чтобы броситься в Валенсии к его ногам и, вместе с остальными грандами, требовать восстановления старинных обычаев и истребления нарождающейся чумы либерализма. Патриарх многочисленного потомства, он проливал кровь в разных округах острова, преследуя крестьянок, ничуть не теряя при этом величия. Протягивая свою руку для поцелуя одному из сыновей, живших при нем и носивших его имя, он произносил торжественным голосом:

«Да сдѣлаетъ изъ тебя, Господь, хорошаго инквизитора!»

Между портретами славныхъ Фебреровъ виднѣлось нѣсколько женскихъ. Это были сеньоры, въ другихъ платьяхъ, во все полотно, похожія на женщинъ, которыхъ рисовалъ Веласкесъ. Одна изъ нихъ, съ хрупкимъ бюстомъ, высовывавшимся изъ цвѣтнаго, бархатнаго колокола ея юбокъ, съ остроконечнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ безцвѣтной перевязью среди локоновъ и буклей, – знаменитая въ роду, прозванная гречанкой за ея знаніе греческаго языка. Ея дядя, братъ Эспиридіонъ Фебреръ, доминиканской пріоръ, великій свѣточъ своей эпохи, былъ ея учителемъ, и гречанка умѣла писать на своемъ языкѣ восточнымъ пріятелямъ – купцамъ, еще поддерживавшимъ съ Майоркой слабыя сношенія.

Взглядъ Хаиме упалъ черезъ нѣсколько полотень дальше (разстояніе равное цѣлому вѣку), на портретъ другой знаменитой въ роду женщины. Дѣвушка въ блѣдомъ парикѣ; одѣта какъ взрослая женщина; въ юбкѣ со складками, въ фижмахъ, по модѣ ХѴІІІ стол. Она стояла у стола, рядомъ съ португальской вазой цвѣтовъ. и въ безкровной правой рукѣ держала розу, подобную томату, смотрѣла на нее глазками фарфоровой куклы. Ее прозвали римлянкой. Надпись къ портрету говорила, въ витіеватомъ стилѣ эпохи, объ ея умѣ, объ ея познаніяхъ, и оплакивала ея смерть въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ. Женщины являлись какъ бы сухими побѣгами на мужественномъ стволѣ Фебреровъ, воителей, полныхъ избытка жизни. Ученость быстро отцвѣтала въ роду моряковъ и воиновъ, какъ растеніе, случайно выросшее въ чужомъ климатѣ.

Размышляя объ истекшей ночѣ и о поѣздкѣ въ Вальдемосу, Хаиме оставался въ пріемной залѣ и созерцалъ портреты предковъ. Сколько славы и сколько пыли! Вотъ уже лѣтъ двадцать сострадательная тряпка не прогуливалась по славному роду, не придавала ему нѣсколько болѣе благообразной внѣшности. Отдаленные предки и знаменитыя битвы покрыты паутиной. Какъ! Кредиторы не хотѣли пріобрѣсти этотъ музей славы, ссылаясь на то, что картины плохи! Нельзя передать этихъ воспоминаній богачамъ, жаждущимъ создать себѣ славную родословную!

Хаиме прошелъ пріемную и направился въ помещеніе противоположнаго крыла. Комнаты съ болѣе низкимъ потолкомъ; надъ ними имѣлся второй этажъ, гдѣ нѣкогда жилъ дѣдъ Фебрера; Сравнительно новая обстановка, старая мебель въ стилѣ Имперіи, на стѣнахъ раскрашенныя эстампы романтическаго періода, изображавшія злоключенія Атала, любовь Матильды и подвиги Эрнана Кортеса.

На пузатыхъ комодахъ – многоцвѣтныя изображенія святыхъ и распятіе изъ слоновой кости, между пыльными цвѣтами изъ матеріи, подъ стеклянными колпаками. Коллекція самострѣловъ, стрѣлъ и ножей напоминали о Фебрерѣ капитанѣ королевскаго корвета, совершившемъ кругосвѣтное путешествіе въ концѣ ХѣШ вѣка Пурпурныя раковины, огромныя морскія улитки, начиненныя жемчугомъ, украшали столы.

Направляясь по корридору къ кухнѣ, Хаиме прошелъ мимо часовни, съ одной стороны, запертой уже много лѣтъ, и, съ другой стороны, прямо къ двери архива, большой комнаты, окна которой выходили въ садъ, въ которой, по возвращеніи изъ своихъ путешествій, онъ провелъ много вечеровъ, перебирая акты, хранимые за мѣдными рѣшетками старинныхъ шкаповъ.

Онъ явился въ кухню, громадное помещеніе, гдѣ когда-то приготавливались знаменитые пиршества Фебреровъ, окруженныхъ паразитами, гостепріимныхъ по отношенію ко всѣмъ друзьямъ, пріѣзжавшимъ на островъ. Мадѣ Антонія казалась маленькой въ этомъ безконечномъ помещеніи съ высокими потолками, у большой трубы очага, способнаго поглотить громадную кучу древесныхъ стволовъ и поджаривать одновременно рядъ блюдовъ. Скамейки хлѣбныхъ печей могли – бы сослужить службу цѣлой общинѣ. Чистота помещенія свидѣтельствовала, что имъ не пользовались. На большихъ стѣнныхъ крюкахъ отсутствовала мѣдная посуда, некогда составлявшая блескъ этой монастырской кухни. Старуха – служанка готовила въ маленькой печкѣ, возлѣ квашни, гдѣ мѣсила хлѣбъ.

Хаиме, крикнувъ, предупредилъ мадѣ Антонію о своемъ присутствіи и вышелъ въ сосѣдную комнату, небольшую столовую, которой пользовались послѣдніе Фебреры, нѣсколько обѣднѣшіе: они бѣжали изъ великолѣпной залы, мѣста былыхъ пиршествъ.

И здѣсь замѣчались слѣды бѣдственнаго положенія. Широкій столъ былъ покрытъ потрескавшейся клеенкой сомнительной чистоты. Поставцы были почти были пусты. Старинная полуфорфоровая посуда разбилась; ее замѣнили блюдами и кружками грубаго издѣлія. Два открытыя въ глубинѣ комнаты окна обрамляли обрывки моря, темно – синяго, неспокойнаго, трепетавшаго подъ пламенемъ солнца. Около оконъ задумчиво раскачивались вѣтви пальмы. Вдали на горизонтѣ вырисовывались бѣлыя крылья шхуны, двигавшейся къ Пальмѣ, медленно, какъ усталая чайка.

Вошла мад? Антонія, поставила на столъ чашку кофе съ молокомъ, отъ которой подымался паръ, и большой кусокъ хл?ба, намазанный масломъ. Хаиме съ жадностью набросился на завтракъ и, жуя хл?бъ, сд?лалъ недовольный жестъ. Мад? согласилась кивкомъ головы и принялась говорить на своемъ майоркскомъ нар?чіи.

Очень жесткій, правда?.. Этого хл?ба нельзя сравнить съ булками, которыя сеньоръ кушалъ въ казино. Но вина – не ея. Она хот?ла зам?сить днемъ раньше, да не было муки, и она ожидала, что мужикъ Сона Фебреръ внесетъ плату. Неблагодарный, забывчивый народъ!

Старуха – служанка подчеркивала свое презр?ніе къ мужику – землед?льцу Сона Фебрера, пом?стья, посл?дней опоры дома. Крестьянинъ вс?мъ обязанъ былъ благосклонности рода и теперь, въ трудныя минуты, забывалъ своихъ господъ.

Хаиме продолжалъ жевать, думая о Сон? Фебрер?. И оно не принадлежало ему, хоть онъ и вообразалъ; себя его влад?льцемъ. Это им?ніе, расположенное въ центре острова – лучшая доля насл?дія предковъ – онъ заложилъ, и съ минуты на минуту могъ его потерять. Небольшая рента, установленная традиціей, помогала ему единственно выплачивать часть процентгвъ по займу, при чемъ остальные суммы долга нарастали. Оставались *aldeshalas*, спеціальныя взносы, которые, согласно древнимъ м, крестьянинъ долженъ былъ д?лать. Этими взносами существовали онъ и мад? Антонія, затерянные въ огромномъ дом?, могущемъ пом?стить подъ своею кровлей ц?лое племя. На Рождеств? и на Пасх? Ханме получалъ пару ягнятъ и дюжину домашней птицы, осенью – двухъ откормленныхъ на убой свиней; а ежем?сячно яйца, извс?тн: ое количество муки и разные фрукты, смотря по сезону. Благодаря *aldohalas*, часть ихъ потреблялась въ дом?, часть продавалась служанкой – Хаиме, и мад? Антонія получали возможность жить въ уединенномъ дворц?, укрываясь отъ любопытства толпы, какъ потерп?вшіе кораблекрушеніе на пустынномъ остров?. Съ каждымъ разомъ разм?ры особыхъ приношеній сокращались. Крестьянинъ, съ мужицкимъ эгоизмомъ, изб?гающемъ б?ды, все не. охотн?е исполнялъ свои обязательства. Онъ зналъ, что влад?лецъ майората не являлея уже истиннымъ. хозяиномъ Сона Фебреръ, и чаето, прі?зжая въ городъ со своими подарками, онъ крутилъ по дорог? и завозилъ ихъ кредиторамъ, страшнымъ людямъ, которыхъ ему хот?лось умилоствовать.

Печально смотр?ль Хаиме на служанку, продолжавшую стоять передъ нимъ. Она была когда-то крестьянкой и сохранила м?стный костюмъ: темную юбку съ

двойнымъ рядомъ пуговиць на рукавахъ, свѣтлую, полосатую кофту, на головѣ платокъ, бѣлую вуаль, прилегавшую къ шеѣ и груди; изъ – подъ вуали выбивалась толстая коса (фальшивая, очень черная), перевязанная въ концѣ широкими бархатными бантиками

– Нужда, мадѣ Антонія – заговорилъ сеньоръ на томъ же нарѣчїи. – Всѣ бѣгутъ отъ бѣдныхъ, и въ одинъ прекрасный день, если бродяга не принесетъ, что долженъ, намъ останется только съѣсть другъ друга, какъ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе.

Старуха улыбулась: сеньоръ постоянно веселъ. Онъ – живой портретъ своего дѣдушки дона Горасіо, вѣчно серьезнаго, съ лицомъ, внушавшимъ страхъ, но какого шутника!..

– Это должно кончиться, – продолжалъ Хаиме, не обращая вниманія на веселый тонъ служанки. – Это кончится сегодня: я рѣшилъ... Узнай мадѣ о. Теперь же я женюсь.

Служанка набожно скрестила руки, выражая свое изумленіе, и подняла глаза кверху, Святѣйшій Христосъ de la Sangre! Пора... Слѣдовало бы сдѣлать это раньше, и тогда иное получилось бы положеніе. Въ ней проснулось любопытство: съ жадностью крестьянки она спросила:

– Богата?

Утвердительный жестъ сеньора ее не удивилъ. Непремѣнно должна быть богатой. Только женщина съ большимъ состояніемъ могла рассчитывать на бракъ съ послѣднимъ изъ Фебреровъ, которые были самыми знаменитыми людьми на островѣ, а, значитъ, и въ цѣломъ мїрѣ. Бѣдная мадѣ подумала о своей кухнѣ, силой воображенія мгновенно украсила ее блистающей, словно золото, мѣдной посудой: всѣ печи затоплены, масса дѣвушекъ съ засученными рукавами, откинутыми rebosillo, развѣвающимися косами, и она посрединѣ, сидитъ въ креслѣ, отдаетъ приказанія, вдыхаетъ въ себя легкой восхитительный паръ, подымающійся изъ кастрюль.

– Молодая! – утвердительнымъ тономъ произнесла старуха, желая заполучить отъ сеньора болѣе подробныя свѣдѣнія.

– Да, молодая. Гораздо моложе меня. Слишком молодая: всего двадцать два года. Пожалуй, гожусь ей в отцы.

Мад? сд?лала протестующій жестъ. Донъ Хаиме – самый бравый челов?къ на остров?. Это говорила она, восхищавшаяся имъ еще тогда, когда водила его в коротенькихъ панталонахъ, за руку гулять среди сосенъ у Бельверскаго замка. Она была своимъ челов?комъ в семь? знатныхъ господъ – этимъ все сказано.

– Изъ хорошаго дома? – продолжала она выпытывать у лаконически отв?чавшаго сеньора. – Изъ семьи кабальеро: несомн?нно, изъ лучшаго рода на остров?... Но н?тъ, догадываюсь: изъ Мадрида. Сосватались, когда ваша милость тамъ жила.

Хаиме н?сколько минутъ колебался, побл?дн?ль и зат?мъ сказалъ съ грубой р?шимостью, стараясь скрыть смущеніе:

– Н?тъ, мад?... Чуета.[1 - Прозвище потомковъ евреевъ.]

Антоніи приходилось скрестить руки, какъ за н?сколько мгновеній передъ т?мъ, снова призвать Кровь Христову, чтимую в Пальм?; но вдругъ разгладились морщины на ея смугломъ лиц?, и она принялась см?яться. Что за веселый сеньоръ! Точь – вь – точь какъ д?душка – говорилъ самая съ ногъ сшибательная, самая нев?роятная вещь съ серьезнымъ видомъ и обманывалъ людей. И она, б?дная дурочка, пов?рила такой нел?пиц?! Все на счетъ женитьбы – ложь.

– Н?тъ, мад?. Я женюсь на чует?... Женюсь на дочери дона Бенито Вальса. Для этого и отправляюсь сегодня в Вальдемосу.

Тихій звукъ голоса Хаиме, его опущенные глаза, робкій тонъ, которымъ онъ прошепталъ эти слова, не оставляли никакихъ сомн?ній. Служанка остановилась съ разинутымъ ртомъ, упавшими беспомощно руками и не им?ла силъ поднять ни глазъ, ни рукъ.

– Сеньоръ... Сеньоръ... Сеньоръ!..

Только и могла она произнести. Словно ударилъ громъ и потрясъ старый домъ; словно надвинулась черная туча и заслонила собою солнце; словно море стало свинцовымъ и пошло косматыми волнами на ст?ну. Но... все было попрежнему, –

лишь ее поразило изумительная новость, способная перевернуть вверх дномъ все сущ?ствующее.

- Сеньоръ... Сеньоръ... Сеньоръ!..

И, захвативъ пустую чашку съ остатками хл?ба, она бросилась б?жать: ей хот?лось какъ можно скор?е спрятаться въ кухню. Посл? такого ужаснаго изв?стія домъ внушалъ ей страхъ. Кто-то долженъ былъ ходить по величественнымъ заламъ другой части зданія; кто – именно, она не могла себ? объяснить, но кто-то, разум?ется, пробудившійся отъ в?кового сна. Этотъ дворець, несомн?нно, им?лъ душу. Когда старуха оставалась въ немъ одна, мебель трещала, какъ будто разговаривала между собой, колебались шпалеры, приводимыя въ движеніе невидимой силой, дрожала въ углу золоченая арфа бабушки дона Хаиме, она не испытывала страха: Фебреры были добрые люди, простые, великодушные къ своимъ слугамъ. Но теперь, посл? такого изв?стія!.. Старуха съ н?которой тревогой думала о портретахъ, украшавшихъ пріемную залу. Какія были бы лица у этихъ сеньоровъ, если бы до нихъ донесли слова ихъ потомка! Какъ погляд?ли бы они!

Допивая остатки кофе, приготовленнаго для барина, мад? Антонія, н?сколько успокоилась. Теперь она испытывала не страхъ, а глубокую скорбь объ участи дона Хаиме, словно ему угрожала смертельная опасность. Закончить такъ родъ Фебреровъ! И Господь потерпитъ это? Чувство презр?нія къ барину вдругъ заступило м?сто стариинной н?жности. Въ конц? концовъ, безд?льникъ, забывшій в?ру и добрыя нравы, спустившій остатки родового состоянія! Что скажутъ его слаанные родственники? Какой позоръ для тетки, доньи Хуаны, благородной сеньоры, самой святой на остров?, гордой, своими предками, которую одни въ шутку

другіе въ избытк? благогов?йной почтительности называли «папессой».

- Прощай, мад?... Къ ночи вернусь.

Старуха ворчаньемъ прив?тствовала Хаиме, просунувшаго голову въ дверь на прощанье. Зат?мъ, оставшись одна, подняла рукн, призывая помощь Крови Христовой, Д?вы Льюча, покровительницы острова, и удивительнаго въ Висенте Феррера, столько чудесъ сотворившаго, во время своего пропов?дничества въ Майорк?. Еще одно чудо святиль – чудотвор?ць! надо предотвратить

чудовищное дѣло, замышленное ея сеньоромъ!.. Пусть скатится съ горѣ глыба и навсегда преградить путь въ Вальдемосу; пусть опрокинется экипажъ, и дона Хаиме принесутъ четыре человѣка... все лучше, чѣмъ такой позоръ!

Фебреръ прошелъ черезъ пріемную, открылъ дверь на лѣстницу и началъ спускаться по мягкимъ ступенькамъ. Его предки, какъ вся знать острова, строили en grand. Лѣстница и подъѣздъ занимали третью часть нижняго этажа дома. За лѣстницей тянулась своеобразная итальянская ложа, съ пятью арками, покоившимися на тонкихъ колоннахъ, а по концамъ ея двѣ двери вели въ верхнія крылья зданія. По срединѣ ея периль, поставленныхъ на выступѣ лѣстницы, противъ сѣней, находился каменный гербъ Фебреровъ съ большимъ желѣзнымъ фонаремъ.

Спускаясь, Хаиме палкой постукивалъ по песчанымъ камнямъ ступенекъ или дотрагивался до большихъ глазированныхъ амфоръ, украшавшихъ площадки лѣстницы: амфоры отдавали ударъ звучно, какъ колоколъ. Желѣзные перила, окислившіяся отъ времени, распадавшіяся на покрытыя ржавчиной чешуйки, дрожали почти всѣми своими частицами при шумѣ шаговъ.

Подойдя къ подъѣзду, Фебреръ остановился. Безусловная рѣшительность, и твердость, обѣщавшая навсегда опредѣлить судьбу его имени, заставляла его съ любопытствомъ осматривать мѣста, по которымъ онъ раньше изо дня въ день проходилъ равнодушно.

Нигдѣ въ другихъ частяхъ зданія не напоминало о себѣ такъ рельефно бывшее благоденствіе. Подъѣздъ, громадный, какъ площадь, могъ вмѣстить въ себѣ дюжину каретъ и цѣлый эскадронъ всадниковъ. Двѣнадцать нѣсколько пузатыхъ колоннъ изъ мѣстнаго ноздреватаго мрамора поддерживали арки изъ кусковъ камня, безъ всякой внѣшней выкладки; надъ арками лежали черныя балки потолка. Мостовая была выложена голышами, поросшими мохомъ. Спокойствіе развалинъ царило въ этомъ гигантскомъ, пустынномъ подъѣздѣ. Изъ источенныхъ червями дверей старинныхъ залъ выбѣжала кошка и исчезла въ пустыхъ подвалахъ, гдѣ прежде хранились плоды жатвъ. Сбоку стоялъ колодезь, такой же древней постройки, какъ и дворецъ: отверстіе въ скалѣ, каменная загородка, разрушившаяся отъ времени, желѣзная башенка, выкованная молотомъ. По выступамъ красивой скалы живыми букетами росъ плющъ. Часто, мальчикомъ, Хаиме наклонялъ голову и смотрѣлъ внизъ, въ круглый, свѣтлый зрачекъ дремлющихъ водъ.

Улица была пуста. Въ концѣ ея, у глиняной ограды сада Фебреровъ виднѣлась городская стѣна, въ ней – ворота, съ деревянными поперечными брусьями въ аркахъ, напоминавшими зубы огромнаго рыбаго рта. Въ глубинѣ этого рта трепетали зеленыя, свѣтлыя, отражавшія золото волны залива.

Пройдя вѣсколько шаговъ по голубымъ камнямъ улицы – тротуара не было, – Хаиме остановился и посмотрѣлъ на свой домъ. Отъ прошлаго оставалось лишь слабое воспоминаніе. Старинный дворецъ Фебреровъ занималъ цѣлый кварталъ, но съ каждымъ шагомъ вѣковъ и обѣднѣнія семьи, онъ сокращался въ своихъ размѣрахъ. Теперь часть его служила обиталищемъ монахинь; другія части были приобрѣтены разными богачами, которые нарушили новѣйшими балконами первоначально выдержанное единство постройки: о немъ свидѣтельствовала ровная линія навѣсовъ и крышъ. Сами Фебреры, запершись въ части дома, выходившей въ садъ и къ морю, принуждены были, для увеличенія дохода, уступить нижніе этажи владѣльцамъ магазиновъ и мелкимъ промышленникамъ. У главнаго портала, за стеклянными рамами двѣушки гладили бѣлье; онѣ приветствовали дона Хаиме почтительными улыбками. Хаиме продолжалъ неподвижно созерцать старинный домъ. Какой красивый, несмотря на произведенныя ампутаціи и старость!..

Камень цоколя, растрескавшійся и вдавленный внутрь отъ прикосновенія людей и экипажей, былъ усѣянъ рѣшетчатыми окошками въ уровень съ землей. Нижняя часть дворца имѣла разрушенный, изорванный видъ, словно ноги, двигавшіяся цѣлыя столетія.

Отъ антресолей, этажа съ особымъ входомъ, отданнаго подъ москательную лавку, начинало развертываться великолѣпіе параднаго фасада. Три окна на уровнѣ арки воротъ, раздѣленныя двойными колоннами, показывали свои рамы изъ чернаго, тонко обдѣланнаго мрамора. По колоннамъ, поддерживавшимъ карнизъ, вился каменный черсгополохъ. На карнизѣ красовались три большихъ медальона: средній изъ нихъ съ бюстомъ императора и надписью: *Domnus Catfolus Imperator 1541* – воспоминаніе о проздѣ его черезъ Майорку во время неудачной алжирской экспедиціи. На боковыхъ медальонахъ – гербы Фебреровъ, поддерживаеяе рыбами съ бородатыми человѣческими головами. Высокія окна перваго этажа по бокамъ и карнизамъ обвиты были гирляндами изъ якорей и дельфиновъ; – памятникъ славы семьи мореплавателей. На верху ихъ открывались громадныя раковины. Въ верхней части фасада тянулся сплошной рядъ окшекъ еѣ готическими украшеніями, закрытыхъ и открытыхъ – чтобы вгустить свѣтъ и воздухъ въ чердаки, – а надъ ними монументальный навѣсъ,

грандіозний, які тільки можна зустріти в майоркських дворцях, простягнутий до середини вулиці громаду різного дерева, почорнівшій від часу, підтримуваного кріпкими сточними трубами.

По всьому фасаді образує чотирикутник, шлі дерев'яні, істощені черв'яками смуги з гвинтами і підхватами з окислившогося заліза. Це були рештки великих ілюмінацій; якими дім ознаменовували нїкотріє празники в діні свого блиска.

Хаїме казався доволюним своїм оглядом. Ще зохранив красоту дім його предків, хоча в вікнах не доставало скла, хоча пилю і паутина заповнили його углубленія, хоча в вікнах надїлили діру в його штукатурку. Коли Хаїме оженився і станїє старого Вальса перейде до нього, всі стануть удивлятися величезному возродію Фебрерів. І ще нїкотрих шокировало його рїшенїє, і он сам чувствовав укори совїсти! Мужество! вперед!

Он направився до Борне, широкому проспекту, центру Пальми, – в старину потоку, ділившему дім на два діма і два ворождебних стана: Кань Амунть і Кань Аваль. Там он найдет извозчика, який і доставить його в Вальдемосу.

При входї на Борне його вниманїє привлекла група прохожих, в тіні густих дерев'яв смотрївшая на крестьян, остановившихся перед витриной магазина. Фебрер узнал их костюмы, отличавшіяся от обычных, майоркских. То были ибисенцы... Ах, Ибиса! Имя этого острова вызывало воспоминанія о далеком годї, проведенном им там в юности. При видї этих людей, заставлявших майоркинцев улыбаться, словно перед лицом иностранцев, Хаїме, в свою очередь, улыбнулся, с интересом разглядывая их одежду и фигуры.

Без сомнїня, это были отец с дочерью и сыном. Крестьянин был обуто, в бїлые пенюковья башмаки, на которые широким колоколом падали синіє плисовыє штаны; куртка застегивалась на груди крючком; из – под нея виднїлись рубашка и пояс. Темный женскїй плащ лежал на его плечах, как шаль. И, в дополненїє к этой полуженской принадлежности наряда, составлявшей контраст суровым, смуглым, как у мавра, чертам лица крестьянина, послїдній носил под шляпой платок, завязанный у подбородка, с концами, спускавшимися на плечи. Сын, лїт четырнадцати, был одїто так же, в таких же штанам, узких у бедер и широких, как колокол,

внизу, но безъ плаща и платка. На груди его висѣла розовая завязка, на подобіе галстука; пучекъ травы высывался изъ-за одного уха; шляпа съ бантомъ, вышитымъ цвѣтами, надвинутая на затылокъ, позволяла волнѣ кудрей свободно падать на смуглое лицо, худое, лукавое, оживленное блескомъ африканскихъ темно – черныхъ глазъ.

Наибольшее вниманіе привлекала къ себѣ дѣвушка, въ своей зеленой юбкѣ со множествомъ складокъ, подъ которой, несомнѣнно, скрывались другія юбки – цѣлая гора разныхъ одѣяній; и маленькими – маленькими казались ея граціозныя ножки, запертыя въ бѣлые пеньковые башмаки. Выпуклыя формы груди, прикрывала желтоватая, съ красными цвѣтами, легкая накидка. Отъ нея шли бархатные рукава иного цвѣта, чѣмъ кофта, съ двойнымъ рядомъ филигранныхъ пуговицъ – издѣліе ювелировъ чуетовъ. На грудь легла тройная золотая ослѣпительно игравшая цѣпочка, съ такими крупными кольцами, что, не будь они пустыми внутри, дѣвушка согнувшись бы подъ ихъ тяжестью. Черныя, блестящія волосы на лбу были зачесаны въ двѣ пряди, исчезали подъ бѣлымъ платкомъ, завязаннымъ у подбородка и выбивались сзади широкой, длинной косой, съ разноцвѣтными бантиками, доходившими до края юбки.

Съ корзиночкой въ рукахъ, дѣвушка стояла у края тротуара, внимательно разглядывая любопытныхъ, восхищаясь высокими домами и террасами кофейныхъ. Бѣлая, румяная, она не отличалась обычной грубостью крестьянокъ. Ея черты грворили объ изяществѣ, выхоленной аристократки – монахини, о блѣдной нѣжности молока и розы, оживляемой ослѣпительной бѣлизной зубовъ и робкимъ блескомъ глазъ изъ – подъ платка, похожаго на монастырскую току.

Хаиме, изъ инстинктивнаго любопытства, подошелъ къ отцу и сыну. Повернувшись спиною къ дѣвушкѣ, они погрузились въ созерцаніе витрины. Это была ружейная лавка. Оба ибисенца, со сверкающими глазами и жестами благоговѣйнаго восхищенія, разглядывали одинъ за другимъ выставленные предметы, словно чудесныхъ идиоловъ. Мальчикъ въ экстазѣ наклонилъ впередъ свою маленькую мавританскую голову, какъ будто намѣреваясь просунуть ее за стекло.

– Fluxas... Отецъ, Fluxas! – восклицалъ онъ изумленно, какъ челоуѣкъ, встрѣтившій неожиданнаго друга, – указывая отцу на пистолеты Лефошъ.

Оба восхищались невѣдомымъ оружіемъ, чудеснымъ произведеніемъ искусства: ружьями безъ видимыхъ замковъ, карабинами съ репитиціей, пистолетами съ

обоймами, рассчитанными на много выстреловъ. Вотъ, что изобрѣтаютъ люди! Вотъ чѣмъ пользуются богачи!.. Эти неподвижные предметы казались имъ живыми, надѣленными злой душой и безграничнымъ могуществомъ. Они должны убивать сами: ихъ хозяину нечего и трудиться прицѣливаться.

Фигура Фебрера, отраженная въ стеклѣ, заставила отца быстро повернуть голову.

– Донъ Чауме!.. Ай, донъ Чауме!

Онъ очумѣлъ отъ изумленія и радости: схвативъ за руки Фебрера, онъ едва не палъ передъ нимъ на колѣни и, дрожа, говорилъ. Они намѣревались отправиться къ дону Хаиме и поджидали на Борне, пока онъ встанетъ. Ему извѣстно, что сеньоры ложатся поздно. Какое счастье видѣть его!.. Здѣсь атлоты: пусть полюбуются на сеньора. Это донъ Хаиме: это баринъ. Десять лѣтъ онъ не видалъ его, но, все равно, признаетъ его среди тысячи людей.

Смущенный бурными изъявленіями любви крестьянина и почтительнымъ любопытствомъ дѣтей послѣдняго, выстроившихся передъ нимъ, Фебреръ не могъ припомнить. «Добрый человѣкъ» догадался объ этомъ по его растерянному взгляду. На самомъ дѣлѣ, не узналъ? Пепъ Араби, изъ Ибисы... Но это еще мало говорить: на островѣ только шесть – семь фамилій, и Араби называлась четвертая часть жителей. Нужно больше пояснить: Пепъ изъ Кана Майорки.

Фебреръ улыбнулся. Ахъ, Канъ Майорки! Бѣдное помѣстье въ Ибисѣ, гдѣ онъ мальчикомъ прожилъ годъ: единственное наслѣдство матери. Двѣнадцать лѣтъ, какъ Канъ Майорки ему не принадлежало. Онъ продалъ его Пепу, отцы и дѣды котораго воздѣлывали участокъ. Тогда у него еще имѣлись деньги. Но къ чему ему земля на далекомъ островѣ, куда онъ никогда вновь не пріѣдетъ? И со щедростью благодушнаго гранда онъ уступилъ ее дешево Пепу, сдѣлавъ расчетъ на основаніи традиціонной арендной платы и назначивъ большія сроки для взносовъ; эти взносы, когда настали потомъ дни нужды, неоднократно являлись для него источникомъ нежданной радости. Уже давно Пепъ выплатилъ свой долгъ, эти крестьяне продолжали называть его баринкомъ и, теперь при видѣ его, чувствовали себя какъ – бы передъ лицомъ высшаго существа.

Пепъ Араби представилъ свою семью. Атлот'а была старшей. Ее звали Маргалида: настоящая женщина, хотя всего ей стукнуло шестнадцать лѣтъ. Атлотъ, почти

мужчина, насчитывалъ всего тринадцать. По примѣру отца и дѣдовъ, онъ хотѣлъ – бы обрабатывать землю, да отецъ предназначалъ его въ Ибисскую семинарію, благо грамота давалась ему. Землю станеть воздѣлывать хорошій, работащій парень, который женится на Маргалидѣ. Уже многіе на островѣ ухаживали за нею; какъ только они вернутся домой, онъ устроить festeigs, традиціонное сватовство, и она выбереть себѣ мужа. Пепеть призванъ къ болѣе высокой долѣ: онъ сдѣлается патеромъ и, отслуживъ мессу, поступитъ въ полкъ или поѣдетъ въ Америку, какъ нѣкоторые Ибисенцы: они добывали тамъ денегъ и посылали своимъ отцамъ для покупки земли на островѣ. Ай, донъ Хаиме! И какъ идетъ время!.. Онъ видѣлъ сеньора почти ребенкомъ, когда тотъ жилъ одно лѣто съ матерью въ Канъ Майорки. Пепѣ научилъ его владѣть ружьемъ, охотиться на птичекъ. Помнить ваша милость? Онъ тогда собирался жениться; еще живы были его родители. Потомъ они свидѣлись однажды въ Пальмѣ, для продажи имѣнія (великая милость, которой никому нельзя забыть), и теперь, – вотъ онъ уже почти старикъ, съ дѣтьми, такими же высокорослыми.

Разсказывая о своемъ путешествіи, крестьянинъ улыбался невинно – лукавой улыбкой и показывалъ рядъ крѣпкихъ зубовъ. Настоящее безумство! долго будутъ говорить о немъ пріятели на Ибисѣ! Онъ всегда былъ подвижнымъ и смѣлымъ: воспоминаніе солдатскихъ временъ. Хозяинъ одного паруснаго судна, его большой пріятель, долженъ былъ везти грузъ въ Майорку и, какъ бы въ шутку пригласилъ его. Но шутокъ онъ не знаетъ: задумано – сейчасъ – же сдѣлано! Дѣтвора не бывала въ Майоркѣ: во всемъ приходѣ св. Хосе – его приходъ – не найдется и десятка людей, которые знали – бы столицу. Многіе были въ Америкѣ; одинъ былъ въ Австраліи; нѣкоторыя сосѣдки сказывали о своихъ поѣздкахъ въ Алжиръ на фелугахъ контрабандистовъ, но никто не ходилъ въ Майорку, и резонно: – Насъ не любятъ, донъ Хаиме: на насъ смотрятъ, какъ на рѣдкихъ звѣрей, насъ считаютъ дикими, словно мы всѣ не божіи дѣти... – И вотъ онъ здѣсь, со своими атлотами, съ утра возбуждалъ любопытныхъ горожанъ: точно они мавры! Десять часовъ плаванія по великолѣпному морю; у атлоты въ корзинкѣ ѣда для всѣхъ троихъ. Отправятся завтра на разсвѣтъ, но раньше ему хотѣлось бы поговорить съ бариномъ. Надо потолковать о дѣлѣ.

Хаиме сдѣлалъ жестъ удивленія. Къ словамъ Пепы онъ теперь относился болѣе внимательно. Послѣдній объяснялся съ нѣкоторой осторожностью, путаясь въ выраженіяхъ. Миндальныя деревья составляли лучшее богатство Кана Майорки. Прошлый годъ урожай былъ хорошій; пожаловаться нельзя. Проданы по хорошей цѣнѣ скупщикамъ, вывозящимъ ихъ въ Пальму и Барселону. Онъ засадилъ миндальными деревьями почти всѣ свои поля и теперь думалъ очистить отъ лѣса и камней нѣкоторыя земли сеньора и воздѣлывать на нихъ пшеницу – именно

только для потребностей демьи.

Фебреръ не скрылъ своего изумленія. Что это за землю?.. Разв? у него еще что-нибудь оставалось на Ибис?? Пепъ улыбнулся. Собственно, это не были земли: это была скала, мысь скаль, вдававшійся въ море. Но можно воспользоваться уголкомъ земли – полосками земли ни склон? скаль. Внизу находилась башня Пирата: сеньоръ помнить?.. Укр?пленіе времянь корсаровъ, куда часто донъ Хаиме мальчикомъ подымался, испуская воинственныя крики, съ артышевой палкой въ рукахъ, подавая сигналъ къ штурму воображаемому войску.

Сеньоръ, дпов?рившій было, что открылось забытое пом?стье, единственное принадлежавшее ему на самомъ д?л?, печально улыбнулся. Ахъ, башня Пирата! Онъ припоминалъ. Известковая скала, вр?завшаяся въ море, м?стами поросшая дикими растеніями – пріютъ и пища кроликовъ. Старое каменное укр?пленіе представляло собой развалины, которыя медленно исчезали подъ натискомъ времени и морскихъ в?тровъ. Плиты выпадали; зубцы высились съ разрушающимися верхушками. При продажи Канъ Майорки о башн? не упомянули въ контракт?: о ней забыли, въ виду ея бесполезности. Пепъ могъ какъ угодно, распорядиться ею: Хаиме никогда не вернется на это забытое м?сто своего д?тства.

Крестьянинъ хот?ль заговорить о вознагражденіи: донъ Хаиме остановилъ его жестомъ сіятельнаго сеньора. Зат?мъ посмотр?ль на д?вушку. Очень красивая; им?ла видъ переод?той сеньориты: на остров? атлоты должны сходить съ ума отъ нея. Отецъ улыбнулся, гордый, смущенный такими похвалами. Прив?тствуй атлота! Что нужно сказать? – говорилъ онъ, какъ д?вочк?. А она, опустивъ глаза, зард?вшись, взявшись одной рукой за кончикъ передника, пробормотала на ибисскомъ нар?чіи: – Н?тъ, я – не красивая. Служанка Вашей милости...

Фебреръ прекратилъ разговоръ, вел?въ Пепу и его д?тямъ идти къ нему. Крестьянинъ давно зналъ мадо Антонію, и старуха будетъ рада его вид?ть. Они закусятъ съ нею, ч?мъ найдется. Вечеромъ, по возвращеніи изъ Вальдемосы, они увидятся. Прощай Пепъ! Прощайте, атлоты.

И палкой далъ знакъ кучеру, сид?вшему на козлахъ майоркской коляски – легчайшаго экипажа о четырехъ тонкихъ колесахъ, съ веселымъ нав?сомъ изъ б?лой парусины.

За Пальмой, среди широких весенних полей, Фебреръ началъ раскаиваться въ своемъ образѣ жизни. Цѣлый годъ онъ не выѣзжалъ изъ города, вечера проводилъ въ кофейняхъ Борне, а ночи – въ игровой залѣ казино.

Ни разу ему не пришлось выбраться за Пальму, взглянуть на нѣжно зеленое поле, съ его журчащими каналами; на нѣжно – лазурное небо, съ плавающими въ немъ островками бѣлыхъ клочковъ; на темно – зеленые холмы, съ мельницами, машущими крыльями на ихъ вершинахъ; на крутыя, розовыя горы, замыкающія горизонтъ; на весь пейзажъ, смеющійся, шумный, поразившій древнихъ мореплавателей, которые и назвали Майорку Счастливымъ островомъ!.. Когда, путемъ женитьбы, онъ получитъ состояніе и сможетъ выкупить прекрасное имѣніе Сонъ Фебреръ, онъ будетъ жить тамъ часть года, какъ его предки, будетъ вести сельскую, благотворную жизнь высокаго сеньора, щедрого, уважаемаго.

Лошади бѣжали полною рысью. Экипажъ катился, обгоняя крестьянъ, возвращавшихся изъ города по краю дороги; стройныхъ смуглыхъ женщинъ, съ широкими соломенными шляпами, украшенныхъ спускающимися лентами и букетами лѣсныхъ цвѣтовъ, поверхъ косъ и бѣлыхъ косынокъ; мужчинъ въ полосатомъ тикѣ (такъ называемой майоркской матеріи), въ надвинутыхъ назадъ поярковыхъ шляпахъ – черныхъ или сѣрыхъ ореолахъ вокругъ бритыхъ лицъ.

Фебреръ вспоминалъ подробности этой дороги, на которой онъ не бывалъ нѣсколько лѣтъ, – словно чужеземецъ, посѣтившій островъ въ старину и теперь пріѣхавшій снова. Дальше путь развѣтвлялся: одна дорога шла на Вальдемосу, другая – на Сольеръ... Ахъ, Сольеръ!.. Забытое дѣтство вдругъ воскресло въ его памяти. Ежегодно, въ такомъ же экипажѣ, семья Фебреровъ ѣздила въ Сольеръ, гдѣ владѣла стариннымъ домомъ, съ обширнымъ подѣздомъ, домомъ Луны: надъ воротами красовалось каменное полушаріе съ глазами и носомъ, изображавшее свѣтило ночи.

Это было всегда въ первыхъ числахъ мая. Когда коляска проѣзжала ущелье, самую высокую точку горы, маленькій Фебреръ испускалъ радостные крики, при видѣ развертывавшейся у его ногъ долины Сольера, сада Гесперидъ острова. Вершины горъ, чернѣющія сосновыми лѣсами, усѣянные бѣлыми домиками, одѣты

были тюрбанами паровъ. Внизу, около города и по всей долине вплоть до моря (отсюда его не видно) тянулись апельсиновые сады. Весна сыпала на эту счастливую почву каскадъ красокъ и благоуханій. Дикія травы пробивались среди утесовъ, увѣнчанныхъ цвѣтами; стволы деревьевъ были обвиты ползучими растеніями; бѣдныя хижины прятали свою гнетущую нищету подъ пологомъ вьющихся розъ. Со всѣхъ окрестныхъ селеній на сольерскій праздникъ стекались крестьянскія семьи: женщины въ бѣлыхъ косынкахъ, тяжелыхъ мантильяхъ, съ золотыми пуговицами на рукавахъ; мужчины въ нарядныхъ жилетахъ, полотняныхъ плащахъ, поярковыхъ шляпахъ съ цвѣтными лентами. Свистѣла волынка, призывая на балъ; изъ рукъ въ руки переходили стаканы сладкой мѣстной водки и баньяльбуфарскаго вина. То было ликование мира послѣ тысячи лѣтъ морскихъ разбоевъ и войнъ съ невѣрными народами средиземнаго моря, радостное воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной сольерскими крестьянами надъ флотомъ турецкихъ корсаровъ въ XVI вѣкѣ.

Въ гавани моряки, переодѣтые мусульманами и воинами – христіанами, стрѣляя изъ штуцеровъ, размахивая шпагами, представляли морскую битву на своихъ утлыхъ лодкахъ или же преслѣдовали другъ друга по береговымъ дорогамъ. Въ церкви торжественно праздновали память чудесной побѣды, и Хаиме, сидя рядомъ съ матерью на почетномъ мѣстѣ, съ волненіемъ слушалъ проповѣдника, такъ, какъ читалъ интересный фельетонъ въ библіотекѣ своего дѣдушки, во второмъ этажѣ пальмскаго дома.

Населеніе, вмѣстѣ съ жителями Аларб и Буньолы вооружилось, узнавъ черезъ одно ибисское судно, что двадцать два турецкихъ гальота съ нѣсколькими галерами шли на Сольеръ, самое богатое мѣстечко острова. Тысяча семьсотъ турокъ и африканцевъ, гроза пиратскаго міра, высадилась на берегъ, привлеченные богатствами, а еще больше желаніемъ захватить женскій монастырь, куда укрылись отъ свѣта молодая красавица благородной семьи. Они раздѣлились на двѣ колонны: одни двинулись противъ христіанскаго отряда, вышедшаго имъ на встрѣчу; другая обходнымъ путемъ проникла въ мѣстечко, брала въ плѣнъ дѣвушекъ и юношей, грабила церкви, убивала священниковъ. Христіане видѣли, что ихъ положеніе сомнительно. Впереди наступала тысяча турокъ; сзади городъ во власти грабителей, семьи, обреченныя на униженія и насилія, семьи, тщетно призывавшія ихъ. Но колебанія были не долги. Сольерскій сержантъ, бравый ветеранъ войскъ Карла V во времена войнъ въ Германіи и съ Великимъ Туркомъ убѣдилъ всѣхъ немедленно атаковать непріятеля. Становятся на колѣни, призываютъ св. апостола Якова и уповая на чудо, нападаютъ со своими ружьями, аркебузами, копьями, топорами. Турки отступаютъ, обращаются въ бѣгство. Напрасно старается ихъ воодушевить ихъ

страшный визирь Суффараисъ, главный морской предводитель, старый, очень жирный, знаменитый своей храбростью и смелостью. Во главе негровъ, составлявшихъ его гвардію, съ саблей въ рукѣ онъ бросается впередъ. Кругомъ него растетъ гора труповъ. Но одинъ сольерець пронзаетъ его грудь копьемъ. Онъ падаетъ, враги бѣгутъ, теряя свое знамя. Новый непріятель преграждаетъ имъ дорогу къ берегу, куда они устремляются въ надеждѣ спастись на корабляхъ. Шайка разбойниковъ наблюдала за сраженіемъ съ утесовъ. Видя бѣгство турокъ, она выходитъ имъ на встрѣчу, стрѣляя изъ мушкетовъ, размахивая кинжалами. Съ ними свора собакъ, дикихъ товарищей ихъ безчестной жизни. Эти животныя кидаются на бѣгущихъ, рвутъ ихъ, доказываютъ согласно летописцамъ, «доброту майоркской породы». Отрядъ побѣдоносно возвращается назадъ, вступаетъ въ покинутый городъ, и грабители удираютъ къ морю или, зарѣзанные, падаютъ на улицахъ.

Проповѣдникъ съ экстазомъ повествовалъ объ этомъ доблестномъ дѣлѣ, приписывая большую долю успѣха Царицѣ Небесной и апостолу – воину. Затѣмъ прославлялъ капитана Анхелатса, героя сраженія, сольерскаго Сиды и храбрыхъ доновъ Кана Тамани, двухъ женщинъ изъ сосѣдняго помѣстья, которыхъ схватили три турка, желая удовлетворить свою плотскую похоть послѣ долгаго воздержанія среди морскихъ пустынь. Храбрыя доны, смѣлыя и твердыя, какъ добрыя крестьянки, не подняли крика, не бѣжали при видѣ трехъ пиратовъ, враговъ Бога и святыхъ. Двернымъ засовомъ они убили одного и заперлись въ домѣ. Выбросивъ черезъ окно трупъ на нападающихъ, они разбили голову второму и камнями преслѣдовали третьяго, какъ мужественные потомки майоркскихъ пращниковъ. О, храбрыя доны, мужественныя женщины Кана Тамани. Добрый народъ чтить ихъ, какъ святыхъ героинь тысячелѣтней войны съ невѣрными и ласково смѣялся надъ подвигами этихъ Жаннѣ д'Аркъ, съ гордостью думая о томъ, какъ опасно было мусульманамъ добывать свѣжее тѣло для гаремовъ.

Затѣмъ, слѣдуя традиціонному обычаю, проповѣдникъ заканчивалъ рѣчь перечнемъ семействъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ. Внимательно выслушивала деревенская аудиторія сотню фамилій и каждый разъ, какъ произносилось имя одного изъ живущихъ потомковъ, кивками головъ выражала сочувствіе. Безконечный перечень многимъ казался короткимъ, и, когда проповѣдникъ умолкалъ, они заявляли протестъ. – Участвовало больше, а не помянули, – ворчали крестьяне, чьи фамиліи не были произнесены. Всѣмъ хотѣлось быть потомками воиновъ капитана Анхелатса.

Когда заканчивались праздненства и въ Сольер? водворялись обычная тишина и спокойствіе, маленькій Хаиме проводилъ дни, гуляя среди апельсинныхъ садовъ съ Антоніей, теперь старухой мад? Антоніей, а тогда цв?тущей женщиной, съ б?лыми зубами, выпуклой грудью, твердой поступью. – вдовой посл? н?сколькихъ м?сяцевъ замужества, пресл?дуемой пламенными взорами вс?хъ крестьянъ. Вм?ст? ходили они въ гавань, спокойное, пустынное озеро: входа ея почти не видно изъ-за поворотовъ, которые морской заливъ д?лалъ среди скалъ. Только изр?дка на этомъ замкнутомъ пространств? голубой воды показывались мачты паруснаго судна, плывшаго грузить апельсины для Марсея. Стаи старыхъ чаекъ, величиною съ куриць, совершая движенія контраданса, парили надъ гладкой поверхностью. При насупленіи вечера возвращались рыбацкія лодки, и подъ береговыми нав?сами на крючьяхъ вис?ли огромныя рыбы, распластавъ хвосты по земл?, истекая кровью, какъ быки, скаты и осьминоги, простирая, словно дрожащее стекло, свою б?лую слизь.

Хаиме любилъ эту спокойную, таинственно – пустынную гавань религіозною любовью. Въ ней онъ припоминалъ чудесныя исторіи, какія по ночамъ, стараясь усыпить, рассказывала ему мать, – о великомъ чуд? одного божьяго раба, посм?явшагося въ этихъ водахъ надъ закамен?лыми гр?шниками. Св. Раймундо изъ Пеньяфорте, доброд?тельный, строгій монахъ, негодовалъ на короля дона Хаиме Майоркскаго, вступившаго въ позорную связь съ одной дамой, доньей Беренгелой, глухого къ его святымъ сов?тамъ. Братъ хот?лъ б?жать съ пагубнаго острова, а король воспротивился, наложилъ запретъ на вс? лодки и корабли. Тогда святой спустился въ уединенную Сольерскую гавань, разостлалъ свой плащъ на волнахъ, взошелъ на него и поплылъ къ берегамъ Каталоніи. Мад? Антонія также рассказывала объ этомъ чуд?, но въ майорскихъ стихахъ, въ форм? простого романса, который дышалъ искренней в?рой в?ковъ, поклонявшихся чудесному. Святой, взойдя на плащъ, поставилъ посохъ вм?сто мачты и пов?силъ капюшонъ вм?сто паруса: в?теръ Бога гналъ этотъ удивительный корабль. – Черезъ н?сколько часовъ рабъ Господа приплылъ изъ Майорки въ Барселону. Монтжуйская стража со знаменемъ возв?щала о появленіи чудеснаго судна; звонили колокола Сео и купцы сб?гались на ст?ну встр?чать святого путешественника.

Любопытство маленькаго Фебрера разгоралось при пов?ствованіи объ этихъ чудесахъ: онъ хот?лъ знать больше, и его спутница призывала старыхъ рыбаковъ; они показывали ему скалу, гд? стоялъ святой и молился Богу о помощи передъ отплытіемъ. Одна гора въ глубин? суши, которую видно изъ гавани, им?ла форму монаха въ капюшон?. На берегу, въ неприступномъ м?ст? одна скала – ее вид?ли только рыбаки – походила на кол?нопреклоненнаго,

молящагося монаха. Такія чудеса сотворилъ Господь – утверждали простыя души – дабы увѣковѣчить знаменитое чудо.

Хаиме и теперь вспоминалъ дрожь, охватывавшую его отъ подобныхъ сообщеній. Ахъ, Сольеръ! Дни святой невинности, когда открылись глаза его на жизнь, среди рассказовъ о чудесахъ и отзвуковъ героической борьбы. Домъ Луны потерянь имъ навсегда, какъ и вѣра и невинность тѣхъ далекихъ – далекихъ дней. Оставались одни воспоминанія. Больше двадцати лѣтъ не возвращался онъ въ забытый Сольеръ, который сейчасъ воскресалъ въ его памяти со всѣми смѣющимися образами дѣтства.

Экипажъ поѣхалъ до развѣтвленія дороги и повернулъ на Вальдемосу. Всѣ воспоминанія, казались, остались позади, на краю шоссе и, по мѣрѣ удаленія, испарялись.

Никакихъ воспоминаній прошлаго дорога въ немъ не пробуждала. Всего два раза, уже взрослымъ, онъ ѣздилъ по ней съ пріятелями въ картезанскія кельи. Помнилъ онъ придорожныя оливковыя деревья, знаменитыя вѣсковыя маслины странной, фантастической формы, служившія моделью для многихъ художниковъ, и высовывалъ голову изъ окошка, чтобъ посмотреть на нихъ. Дорога подымалась въ гору; начинались каменистыя, сухія поля, первые признаки горной мѣстности. Путь извивался среди деревьевъ: мимо окна экипажа уже пробѣжали первыя маслины.

Фебреръ ихъ зналъ, часто говорилъ о нихъ и, однако, получилъ впечатлѣніе чего-то необычайнаго, какъ будто видѣлъ ихъ впервые. То были черныя деревья, съ громадными, вѣтвистыми, голыми стволами, казавшіяся шарообразными, при своей толщинѣ и скудости листвы. Маслины насчитывали цѣлые вѣка своего существованія, ихъ никогда не обрѣзали; старость отнимала сокъ у ихъ вѣтвей и заставляла стволы медленно, мучительно округляться. Поле имѣло видъ заброшенной скульптурной мастерской: тысячи безформенныхъ этюдовъ, тысячи разбросанныхъ чудовищъ на зеленомъ коврѣ, пестрящемъ маргаритками и лѣсными колокольчиками.

Маслина, похожая на громадную жабу, отвратительную, собирающуюся прыгнуть съ пучкомъ листьевъ во рту; другая – на безобразнаго удава въ кольцахъ, съ оливковымъ хохолкомъ на головѣ: виднѣлись голые стволы, между ними просвѣчивало голубое небо; чудовищныя змѣи, обвившіяся другъ съ другомъ, какъ спирали вьющейся колонны; черныя гиганты, съ опущенной

головой; руки простерты по землѣ, пальцы – корни, ноги – подняты кверху и отъ нихъ идутъ палки съ листьями. Нѣкоторыя маслины, побѣжденные вѣтрами, лежали поддерживаемыя подпорками, словно старухи, старающіеся опереться на клюку.

Казалось, надъ полемъ пронеслась буря, все ниспровергла, все вывернула, а затѣмъ окаменѣла, чтобы своею тяжестью давить на разрушенное, чтобы оно не приняло первоначальныхъ формъ. Нѣкоторыя маслины, высокія, съ болѣе нѣжными контурами, какъ бы имѣли женскія лица и формы. Это были византійскія дѣвы, съ тиарами легкихъ листьевъ, въ длинныхъ деревянныхъ одѣяніяхъ. Другія представляли изъ себя дикихъ идоловъ, съ выпученными глазами, съ всклокоченными, низко спущенными бородами; фетишей темныхъ, варварскихъ религій, фетишей, способныхъ задержать первобытныхъ людей въ ихъ странствованіяхъ, заставить упасть на колѣни въ трепетѣ передъ встрѣченнымъ божествомъ. Въ тишинѣ бурнаго, но застывшаго разгрома, въ уединеніи полей, населенныхъ страшными вѣчными видѣніями, пѣли птицы; вплоть до самыхъ стволовъ, источенныхъ червями, совершали свой набѣгъ лѣсные цвѣты, и безконечными четками двигались взадъ и впередъ муравьи, подкапывались, какъ неутомимые рудокопы, подъ столѣтніе корни.

Густавъ Дорэ, говорили, набросалъ среди этой вѣковой рощи свои наиболѣе фантастическія вещи, и воспоминаніе о немъ воскресило въ памяти Хаиме образъ другихъ, болѣе знаменитыхъ художниковъ, также проѣзжавшихъ по этой дорогѣ, жившихъ и страдавшихъ въ Вальдемосѣ.

Два раза посѣтилъ онъ картезіанскій монастырь, съ единственной цѣлью взглянуть поближе на мѣста, которыя обезсмертила печальная, больная любовь двухъ прославленныхъ существъ. Дѣдъ часто рассказывалъ Хаиме о вальдемосской «французенкѣ» и ея товарищѣ «музыкантѣ».

Однажды обитатели Майорки и уроженцы полуострова, укрывшіеся на островѣ отъ ужасовъ гражданской войны, увидѣли, какъ на берегъ высадилась супружеская чета иностранцевъ, съ мальчикомъ и дѣвочкой. Это было въ 1838 г. Когда снесли багажъ на сушу, островитяне восхищались громадной роялью, эрардовой роялью: тогда онѣ были рѣдкостью. Рояль конфисковали въ таможенѣ, до выполненія нѣкоторыхъ административныхъ формальностей.

Путешественникамъ пришлось помѣститься въ гостиницѣ. Потомъ они сняли имѣніе Сонъ Вентъ, около Пальмы. Мужчина выглядѣлъ больнымъ. Онъ былъ моложе ея, но измученъ страданіями, прозрачно блѣденъ, какъ жертва,

обреченная на закланіе; свѣтлые глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ; узкую грудь душилъ жестокой, непрестанный кашель. Нѣжныше бакенбарды оттянули щеки; львиные волосы, черные, своевольные, обрамляли лобъ и каскадомъ кудрей падали сзади. Она, мужественная, хлопотала по хозяйству, какъ добрая горожанка, проявляя больше усердія, чѣмъ умѣнья. Какъ дѣвочка играла со своими дѣтьми, и ея доброе, веселое лиіо омрачалось только при звукѣ кашля «больного возлюбленнаго». Обстановка экзотизма, неправильнаго образа жизни, протеста противъ законовъ, царящихъ надъ людьми, окружала, видимо, эту скитающуюся семью. Женщина одѣвалась въ нѣсколько фантастическіе костюмы; въ волосахъ ея былъ воткнуть серебряный кинжалъ, – романтическое украшеніе, скандализировавшее набожныхъ майорскихъ дамъ. Кромѣ того она не ѣздила къ мессѣ въ городъ, не дѣлала визитовъ; выходила изъ дому только для игръ съ дѣтьми или когда выводила подъ руку бѣднаго чахоточнаго. Дѣти казались такими же особенными, какъ ихъ мать: дѣвочка носила платье мальчика, чтобы удобнѣе было бѣгать по полямъ.

Скоро любопытство островитянъ сосредоточилось на именахъ вносящихъ смуту чужеземцевъ. Она была француженка, сочинительница книгъ, Аврора Дюзень, бывшая баронесса, разведшаяся съ мужемъ, пріобрѣтшая всемірную извѣстность своими романами, которые подписывала мужскимъ именемъ и фамиліей политическаго убійцы: Жоржъ Сандъ. Онъ былъ польскій музыкантъ, нѣжная натура, которая, казалось, оставляла частицу своего существованія въ каждомъ изъ своихъ твореній и чувствовала себя угасавшей въ двадцать девять лѣтъ. Его звали Фридрихъ Шопень. Дѣти принадлежали романисткѣ. Ей уже шель тридцать шестой годъ.

Майорское общество, застывшее въ традиціонныхъ предразсудкахъ, какъ моллюскъ въ своей оболочкѣ, инстинктивный врагъ нечестивыхъ парижскихъ новшествъ, возмущалось подобнымъ скандаломъ. Въ бракъ!.. И она писала романы, смущавшіе своей смѣлостью добрыхъ людей!.. Женское любопытство хотѣло съ ними познакомиться, но въ Майоркѣ получалъ книги одинъ только Орасіо Фебреръ, дѣдъ Хаиме, и маленькіе томики Индіаны и Леліи, его собственность, ходили по рукамъ, непонятныя для читателей. Замужняя женщина писала книги и жила съ челомъ, который не былъ ея супругомъ!.. Донья Эльвира, бабушка Хаиме, сеньора изъ Мексики, – на ея портретъ Хаиме такъ часто смотрѣлъ и представлялъ ее себѣ всегда одѣтою въ бѣлое, съ поднятыми кверху глазами, съ золотой арфой на колѣняхъ, – посетила отшельницу Сонъ Вента. Она могла подавлять своимъ превосходствомъ иностранки островитянокъ, не знавшихъ французскаго языка. Она слушала лирическіе гимны писательницы оригинальному африканскому пейзажу, съ его

б?лыми домиками, колючими кактусами, стройными пальмами и в?ковыми маслинами, составлявшими р?зкій контрасть гармоническому порядку французскихъ равнинъ. Потомъ донья Эльвира на пальмскихъ вечерахъ горячо защищала писательницу, б?дную страждущую женщину: теперешняя жизнь ея сводилась больше къ горестямъ и заботамъ сестры милосердія, ч?мъ къ радостямъ любви. Д?дъ принужденъ былъ вм?шаться и запретилъ жене д?лать туда визиты, для прекращенія возникшихъ толковъ.

Вокругъ скандализирующей четы образовалась пустота. Пока д?ти играли съ матерью на пол?, какъ маленькіе дикари, больной кашлялъ, запершись въ спальн?, за окнами, или же высовывался за дверь, отыскивая солнечные лучи. Ночами, въ глухіе часы его пос?щала муза, больная, меланхоличная, и, сидя за роялю, онъ импровизировалъ, среди кашля и стоновъ, свои вещи, полныя горькой страстности.

Влад?лецъ Сона Вентъ, горожанинъ, приказалъ иностранцамъ очистить м?сто, какъ будто они были цыгане. Піанистъ боленъ чахоткой, и онъ не хочетъ заражать своего им?нія. Куда отправиться?.. Возвращеніе на родину затруднительно: стояла глубокая зима, и Шопень дрожалъ, какъ брошенная птица, при мысли о парижскихъ холодахъ. Негостепріимный островъ, все же, былъ дорогъ благодаря своему н?жному климату. Вальдемосскій картезіанскій монастырь оказался единственнымъ уб?жищемъ, – зданіе безъ архитектурныхъ красотъ, привлекательное только своею среднев?ковою стариной, запертое между горъ, по склонамъ которыхъ сб?гають сосновыя рощи, предохраняющія, словно зав?сы, отъ солнечнаго зноя плантаціи миндальныхъ деревьевъ и пальмъ; и сквозь в?тви ихъ глазу видны зеленая равнина и далекое море. То былъ почти разрушенный памятникъ прошлаго, мелодраматическій монастырь, мрачный и таинственный. Въ переходахъ его находили пріютъ бродяги и нищіе. Чтобы войти въ него, нужно было миновать монашеское кладбище; гроба выворочены корнями л?сныхъ растеній, кости вываливались на землю. Въ лунныя ночи по корридору блуждалъ б?лый призракъ, душа проклятаго монаха: ожидая часа искупленія, она странствовала по м?стамъ, гд? нагр?шила.

Туда направлялись б?глецы, въ непогодный зимній день, застигнутые проливнымъ дождемъ и ураганомъ, по тому самому пути, гд? ?халь теперь Феберрь, но по старой дорогъ, отъ которой сохранилось теперь одно имя. Экипажи каравана двигались, какъ рассказывала Жоржъ Сандъ «однимъ колесомъ на гор?, другимъ въ русл? ручья». Закутавшись въ плащъ, музыкантъ дрожалъ и кашлялъ подъ пологомъ коляски, испытывая мучительные толчки. Въ

опасныхъ мѣстахъ этого странствованія романистка шла пѣшкомъ, ведя дѣтей за руки.

Всю зиму прожили въ уединеніи картезіанскаго монастыря. Она, въ бабучахъ (восточныхъ туфляхъ), съ кинжаломъ въ заплетенныхъ на скорую руку волосахъ, усердно занималась стряпней, при содѣйствіи дѣвочки – туземки, которая безъ зазрѣнія совѣсти глотала куски, предназначенные для «больного возлюбленнаго». Вальдемосскіе мальчишки бросали камни въ маленькихъ французовъ, считая ихъ за мавровъ, враговъ Бога. Женщины обворовывали мать, продавая ей съѣстные припасы, и, вдобавокъ, прозвали ее «вѣдьмой». Всѣ отрекивались отъ этихъ цыганъ, дерзнувшихъ жить въ монастырской кельѣ, рядомъ съ мертвецомъ, въ постояжномъ сосѣдствѣ съ призракомъ монаха, блуждавшимъ по корридору.

Днемъ, когда больной отдыхалъ, она готовила мясо въ горшкѣ и помогала служанкѣ, своими тонкими, блѣдными руками артистки, чистить овощи; потомъ бѣжала съ дѣтьми на крутой берегъ Мирамаръ покрытый деревьями, гдѣ Раймундо Луліо основалъ школу восточныхъ наукъ. Лишь съ наступленіемъ ночи начиналась для нея настоящая жизнь.

Темный, громаднй коридоръ наполнялся таинственной музыкой, которая, казалось, доносилась очень издалека, сквозь толстыя стѣны. Это Шопень, склонившись надъ роялью, слагалъ свои Ноктюрны. Романистка, при свѣтѣ свѣчи, писала Спиридона, исторію монаха, кончающаго крушеніемъ всей его вѣры. Часто она прерывала работу, бѣжала къ музыканту и приготавливала лѣкарство, встревоженная его сильнымъ кашлемъ. Въ лунныя ночи ее томила жажда таинственнаго, сладость страха: она выходила въ коридоръ, во мракѣ котораго вырисовывались молочныя пятна оконъ. Никого... Потомъ садилась на монашескомъ кладбищѣ, тщетно ожидая, не появится ли призракъ, не оживить ли ея монотоннаго существованія чѣмъ-то романтическимъ.

Однажды ночью, въ карнавалъ, картезіанскій монастырь наводнили мавры. Пальмская молодежь, набѣгавшись по городу въ берберійскихъ костюмахъ, вспомнила о «француженкѣ» и, безъ сомнѣнія, устыдилась, что обыватели обрекли ее на затворничество. Они явились въ полночь, своими пѣснями и игрой на гитарѣ нарушили таинственную тишину монастыря, спугнули пернатыхъ, пріютившихся въ развалкнахъ. Въ одной кельѣ танцевали испанскіе танцы; музыкантъ лихорадочными глазами слѣдилъ за ними, а романистка переходила отъ группы къ группѣ, испытывая простую радость горожанки, видящей, что она

не забыта.

Это была единственная счастливая ночь в Майорке. Потом, с наступлением весны «больной возлюбленный» почувствовал себя лучше. Медленно двинулись обратно в Париж. Перелетные птицы, на зимовку они не оставляли никаких следов, кроме воспоминаний. Хаиме не мог достоверно узнать, в какой именно комнате они помещались. Произведенные в монастырь реформы смели всякие следы. Многие пальмские семейства проводили теперь лето в картезианской обители и превратили кельи в красивые комнаты: каждое из них желало, чтобы занимаемое им помещение оказалось кельей Жорж Сандь, которую безчестили и презирали некогда их бабушки. Фебрерь посетил монастырь с девяностолетним стариком из числа тех, кто в костюме мавров дали серенаду француженке. Старик ничего не помнил, не мог указать комнаты.

Внук дон Орасио чувствовал некоторую запоздалую любовь к необычайной женщине. Он видел ее на портретах ее молодости; невыразительное лицо, глубокие загадочные глаза, волосы в беспорядке; единственное их украшение – роза у виска. Бедная Жорж Сандь! Любовь была для нее древним сфинксом: каждый раз, как она вопрошала ее, любовь безжалостно царапала ей сердце. Все отречения, все упрямство любви извела эта женщина. Капризная женщина венецианских ночей, неверная подруга Мюссе, она сама была больна, приготовляя обед и питье для умиравшего Шопена в вальдемосском уединении... Если бы он только узнал такую женщину, таившую в себе тысячи женщин, со всем безконечным разнообразием женской нежности и жестокости!.. Быть любимым высшей женщиной, неотразимо влиять на нее и в то же время чувствовать уважение к ее умственному величию!..

Долго он, словно загипнотизированный этим желанием, смотрел на пейзаж и не видел его. Потом улыбнулся, как бы из сострадания к своему ничтожеству. Вспомнил о цели своего путешествия, и ему стало больно. Он, мечтавший о великой любви, безкорыстной, необычайной, намревался продать себя, предложив свою руку и имя женщине, которую мельком видел, намревался заключить союз, скандализирующий весь остров. Достойный конец бесполезной, легкомысленной жизни.

Пустота его существования теперь ясно раскрывалась перед ним, без всяких прикрас, создаваемых самообманом, как никогда раньше. Близость самопожертвования заставила его обратиться к воспоминаниям, – как – будто

въ нихъ онъ могъ найти олравдывающіе мотивы его поступка. Къ чему его странствованіе въ мір??

Онъ еще разъ перебралъ образы дѣтства, воскрешенные имъ по дорогѣ къ Сольеру. Видѣлъ себя въ высокомъ домѣ Фебреровъ со своими родителями и дѣдомъ. Онъ былъ единственный сынъ. Мать его, блѣдная сеньора, меланхолически прекрасная, заболѣла послѣ родовъ. Донъ Орасіо жилъ во второмъ этажѣ, со старымъ слугой, словно гость, заходя къ семьѣ или уединяясь отъ нея по своему капризу. Среди смутныхъ дѣтскихъ воспоминаній Хаиме рельефно выдѣлялась фигура его дѣда. Онъ никогда не видалъ улыбки на его лицѣ, съ бѣлыми бакенбардами, составлявшими контрастъ чернымъ, властнымъ глазамъ. Домашнимъ запрещалось подыматься въ его покои. Онъ не показывался иначе, какъ въ выходномъ костюмѣ, изысканно изящномъ. Внукъ, которому одному позволялось посѣщать когда угодно его спальню, заставлялъ его рано утромъ въ синемъ сюртукѣ, высокомъ кружевномъ воротникѣ, черномъ, завязанномъ нѣсколькими бантами галстукѣ, съ громаднымъ жемчугомъ. Даже чувствуя себя нездоровымъ, онъ сохранялъ свой корректный видъ, со старинной элегантною. Если болѣзнь приковывала его къ постели, онъ отдавалъ слугѣ приказаніе не принимать никого, включая сына.

Хаиме цѣлыми часами просиживалъ у ногъ дѣда, слушая его рассказы, пугаясь массы книгъ, не помѣщавшихся въ шкапахъ и лежащихъ по стульямъ и столамъ. Дѣдъ былъ неизмѣненъ въ своемъ сюртукѣ съ красной шелковой подкладкой, который всегда выглядѣлъ одинаково, но мѣнялся черезъ шесть мѣсяцевъ. Времена года отражались только тѣмъ, что зимній бархатный жилетъ уступалъ мѣсто вышитому шелковому. Главную его гордость составляли бѣлое бѣлье и книги. Дюжинами ему привозили изъ-за границы сорочки; часто, необновленные, забытыя, онѣ желтѣли въ глубинѣ шкаповъ. Парижскіе книжные магазины присылали громадные пакеты – только что вышедшія изданія и, въ виду его постоянныхъ заказовъ, къ адресу дѣлали приписку – приписку эту донъ Орасіо показывалъ съ шутливо – снисходительнымъ видомъ – «книгопродавцу».

Говорилъ послѣдній изъ Фебреровъ съ добродушіемъ дѣдушки, стараясь сдѣлать понятными свои рассказы, хотя въ своихъ отношеніяхъ къ семьѣ онъ былъ скупъ на слова и мало себя сдерживалъ. Онъ рассказывалъ внуку о своихъ поѣздкахъ въ Парижъ и Лондонъ, то на парусномъ суднѣ до Марсея и затѣмъ въ почтовой каретѣ, то на колесномъ пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, – великія изобрѣтенія, имѣвшія мѣсто въ дни его дѣтства. Говорилъ объ обществѣ Луи Филиппа; о великихъ дебютахъ романтизмъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ;

о баррикадахъ, постройку которыхъ онъ наблюдалъ изъ своей комнаты, умалчивая, что при этомъ обнималъ за талию смотрѣвшую съ нимъ изъ окна гризетку. Внукъ родился въ хорошее время: самое счастливое. Донъ Орасіо вспомнилъ о ссорахъ со своимъ страшнымъ отцомъ, заставившихъ его путешествовать по Европѣ, о томъ кабальеро, который встрѣчалъ короля Фернандо и требовалъ возстановленія старыхъ обычаевъ, а дѣтей благословлялъ, говоря: «Да сдѣлаетъ Господь изъ тебя хорошаго инквизитора!»

Потомъ показывалъ Хаиме большія гравюры съ изображеніемъ городовъ, гдѣ жилъ; онѣ казались мальчику сказочными мѣстами. Иногда онъ разглядывалъ портретъ «бабушки съ арфой», своей жены, интересной доньи Эльвиры, то самое полотно, которое находилось теперь въ пріемной залѣ, съ остальными сеньорами рода. Казалось, ничуть не волновался: сохранялъ важный видъ, который имѣлъ, когда шутилъ – шутить онъ любилъ – или уснащалъ свою рѣчь крѣпкими словами. Но говорилъ несколько дрожащимъ голосомъ.

– Твоя бабушка была великой сеньорой, ангельской души, артистка. Рядомъ съ нею я выглядѣлъ варваромъ... Изъ благородной семьи; но пріѣхала изъ Мексики обвѣнчаться со мной. Отецъ ея былъ морякъ и остался тамъ съ инсургентами. Во всемъ нашемъ роду никто съ этою женщиной не сравнится.

Въ половинѣ двѣнадцатаго утра онъ оставлялъ внука, надѣвалъ цилиндръ, зимою черный шелковый, лѣтомъ касторовый, выходилъ гулять по пальмскимъ улицамъ, постоянно въ одномъ и томъ же направленіи, по однимъ и тѣмъ же тротуарамъ, и въ дождь и подъ палящими солнечными лучами, нечувствительный ни къ холоду, ни къ жару, всегда въ сюртукѣ, двигаясь съ правильностью заведеннаго автомата, появляющагося и исчезающаго въ точно опредѣленные часы.

Только одинъ разъ за тридцать лѣтъ онъ измѣнилъ свой маршрутъ по пустыннымъ, поблѣвшимъ отъ солнца улицамъ, гдѣ раздавались его шаги. Однажды онъ услышалъ женскій голосъ внутри дома.

– Атлота... двѣнадцать часовъ. Ставь рисъ: проходить донъ Орасіо.

Онъ повернулся къ двери, съ величіемъ знатнаго сеньора.

– Я не часы для...

И бросилъ крѣпкое словцо, нисколько не тѣря своего серьезнаго вида, какъ всегда, когда пускалъ въ ходъ энергичныя выраженія. Съ этого дня сталъ ходить по другому пути, чтобы не попадаться на глаза тѣмъ, кто вѣрилъ въ точность его движеній.

Иногда рассказывалъ внуку о быломъ величіи дома. Географическія открытія разорили Фебреровъ. Средиземное море перестало служить дорогой на востокъ. Португальцы и испанцы другого моря нашли новые пути, и майорскіе корабли начали гнить на покое. Прекратились войны съ пиратами: святой мальтійскій орденъ сталъ простымъ почетнымъ отличіемъ. Братъ его отца, командоръ Валетты, когда Бонопартъ завоевалъ островъ, явился въ Пальму доживать свои дни на скудную пенсію. Уже вѣка какъ Фебреры, забывъ море, гдѣ не велось больше торговли, гдѣ воевали одни бѣдные судовладѣльцы и сыновья рыбаковъ, старались поддерживать свое имя роскошью и блескомъ, медленно разоряя себя. Дѣдъ еще видѣлъ времена истиннаго величія, когда быть butifarra означало, въ глазахъ майорскихъ обывателей, нѣчто среднее между Богомъ и кабальеро. Появленіе на свѣтъ Фебрера было событіемъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Высокая роженица сорокъ дней не выходила изъ дворца, и все это время двери были открыты, подѣздъ полонъ каретъ, прислуга сгруппирована въ сѣняхъ, залы кишали гостями, столы заставлены сладостями, печеньемъ и напитками. Для приѣма каждого класса назначались особые дни въ недѣлю. Одни – исключительно для butifarras, сливокъ аристократіи, привилегированныхъ домовъ, избранныхъ семей, объединенныхъ узами постоянныхъ скрещиваній; другіе – для кабальеро, стариннаго дворянства, которое жило, не зная, почему подчинялось первымъ; затѣмъ принимали mossons, низшій классъ, состоявшій, однако, въ близкихъ отношеніяхъ со знатью, – интеллигентовъ эпохи, медиковъ, адвокатовъ и нотаріусовъ, оказывавшихъ услуги благороднымъ семействамъ.

Донъ Орасіо вспоминалъ о блескѣ этихъ приѣмовъ. Въ старину умѣли устраивать въ широкихъ размѣрахъ.

– Когда родился твой отецъ – говорилъ онъ внуку – былъ послѣдній праздникъ въ нашемъ домѣ. Восемьсотъ майорскихъ фунтовъ я заплатилъ одному кондитеру на Борне за конфекты, печенье и напитки.

Своего отца Хаиме помнилъ меньше, чѣмъ дѣда. Въ его памяти отецъ являлся симпатичной, пріятной, но нѣсколько туманной фигурой. Думая о немъ, Хаиме видѣлъ только нѣжную, свѣтловатую, какъ у него самого, бороду, лысую голову,

нужную улыбку и лорнетъ, который блестялъ, когда отецъ его приславлялъ. Рассказывали, что юношей онъ влюбленъ былъ въ свою двоюродную сестру Хуану, строгую сеньору, прозванную папессой, жившую, какъ монахиня, располагавшую громадными средствами, некогда щедро жертвовавшую ихъ претенденту дону Карлосу, а теперь духовнымъ лицамъ, окружавшимъ ее.

Разрывъ отца съ нею, безъ сомнѣнія, былъ причиной того, что папесса Хуана держалась въ сторонѣ отъ этой вѣтви рода и относилась къ Хаиме съ враждебной холодностью.

Отецъ, слѣдя семейной традиціи, служилъ офицеромъ Армады. Участвовалъ въ войнѣ на Тихомъ Океанѣ, былъ лейтенантомъ на фрегатѣ изъ числа бомбардировавшихъ Кальяо и, какъ будто, только ждалъ случая показать свою храбрость – тотчасъ же вышелъ въ отставку. Затѣмъ женился на пальмской сеньоритѣ, со скуднымъ состояніемъ, отецъ которой былъ военнымъ губернаторомъ острова Ибисы. Папесса Хуана, разговаривая однажды съ Хаиме, захотѣла его уязвить, холоднымъ тономъ, съ высокомернымъ выраженіемъ лица заявивъ:

– Мать твоя была благородная, изъ семьи кабальеро... но не butifarra, какъ мы.

Когда Хаиме подросъ и началъ давать себѣ отчетъ въ окружающемъ, онъ видѣлъ отца лишь во время краткихъ пріѣздовъ послѣдняго на Майорку. Отецъ былъ прогрессистъ, и революція сдѣлала его депутатомъ. По своемъ провозглашеніи королемъ Амедей Савойскій, этотъ монархъ – революціонеръ, проклинаемый и покинутый стариннымъ дворянствомъ, принужденъ былъ для своего двора вербовать новыя историческія фамиліи. Butifarra, по требованію партіи, и занялъ мѣсто высокаго придворнаго сановника. Его жена, несмотря на настоятельныя просьбы перебраться въ Мадридъ, не пожелала оставить островъ. Отправиться въ столицу? А сынъ?.. Донъ Орасіо съ каждымъ днемъ худѣлъ и слабѣлъ, но держался прямо въ своемъ вѣчно новомъ сюртукѣ, продолжая совершать ежедневныя прогулки, согласовавъ свою жизнь съ ходомъ думскихъ часовъ. Старый либераль, великій поклонникъ Мартинеса де ла Росы, за его стихи и дипломатическое изящество его галстуковъ, морщился, читая газеты и письма сына. Къ чему приведетъ все это?..

Въ короткій періодъ республики отецъ вернулся на островъ: его карьера была кончена. Папесса Хуана, несмотря на родство, дѣлала видъ, будто не знаетъ его. Въ эту эпоху она была очень занята. ъздила на полуостровъ: выбрасывала, какъ

гласила молва, громадныя суммы на сторонниковъ дона Карлоса, поддерживавшихъ военныя операціи въ Каталоніи и сѣверныхъ провинціяхъ. Пусть ей не говорятъ о бывшемъ морякѣ, Хаиме Фебрерѣ! Она была настоящая butifarra, защитница старины, и приносила жертвы, лишь бы Испаніей управляла кабальеро. Ея двоюродный братъ хуже, чѣмъ Руем'а: онъ – безъ рубашки».[2 - «Descamisado» – прозвище ярыхъ сторонниковъ демократической партіи въ эпоху 1820–1823 гг. При., пер.] Какъ утверждали, къ ненависти за идеи примѣшивалась горечь разочарованій прошлаго, котораго она не могла забыть.

По реставраціи бурбоновъ, прогрессистъ, паладинъ дона Амедея превратился въ республиканца и заговорщика. Совершалъ частыя поѣздки; получалъ шифрованныя письма изъ Парижа; отправлялся въ Минорку посѣщать эскадру стоявшую въ Махонѣ; при помощи старыхъ офицерскихъ связей велъ пропаганду и подготовлялъ возстаніе во флотѣ. Занялся революціонными дѣлами съ пыломъ древнихъ предприимчивыхъ Фебреровъ, со свойственной ему спокойной отвагой; но неожиданно умеръ въ Барселонѣ, вдали отъ своихъ.

Дѣдъ встрѣтилъ извѣстіе о его смерти невозмутимо – гордо; но больше не видѣли его въ полдень на улицахъ Пальмы обывательницы ждавшія, когда онъ пройдетъ, – чтобы поставитъ рисъ въ печку. Восемьдесятъ шесть лѣтъ: досіаточно нагулялся. На что еще глядѣть!.. Затворился во второмъ этажѣ, куда допускалъ только внука. Когда являлись къ нему родственники, предпочиталъ спускаться въ залу, несмотря на свою старческую немощь, парадно одѣтый, въ новомъ сюртукѣ, съ двумя бѣлыми треугольниками надъ складками галстука, всегда только что выбритый, съ гладко причесанными бакенбардами, съ блестяще напомаженнымъ хохолкомъ волосъ впереди, Насталъ день, когда онъ не смогъ встать съ постели, и внукъ увидѣлъ его подъ простыней, но сохранившимъ свой неизмѣнный видъ, въ тонкой батистовой сорочкѣ, въ галстукѣ, который перемѣнялъ ему ежедневно слуга, въ цвѣтномъ шелковомъ жилетѣ. Когда докладывали о приходѣ невѣстки, донъ Орасіо дѣлалъ останавливающій жестъ.

– Хаимито, сюртукъ... Она – сеньора, и нужно встрѣтитъ ее прилично.

Та же самая операція повторялась при визитѣ доктора или рѣдкихъ гостей, которыхъ онъ удостоивалъ приѣма. Необходимо было держаться до послѣдняго момента «во всеоружіи», какъ видѣли его всю жизнь.

Однажды вечеромъ слабымъ голосомъ позвалъ внука: тотъ у окна читалъ книгу о путешествіяхъ. Можетъ уйти: тргбовалось остаться одному. Хаиме вышелъ, и дѣдъ могъ умереть достойно, въ пустой комнатѣ, безъ пытки слѣдить за своей внѣшностью, – могъ безъ свидѣтелей отдаться мукамъ агоніи, отражать на своемъ лицѣ эти муки.

Оставшись одинъ съ матерью, мальчикъ почувствовалъ жажду свободы. Его голова занята была приключеніями и путешествіями, вычитанными въ библіотекѣ дѣдушки, и подвигами предковъ, увѣковѣченными въ семейныхъ сказаніяхъ. Хотѣлъ сдѣлаться морякомъ – воиномъ, какъ отецъ, какъ большинство предковъ. Мать воспротивилась, со страстной горячностью; щеки ея становились блѣдными, губы синѣли. Единственный Фебреръ, будетъ вести опасное существованіе, вдали отъ нея... Нѣтъ, достаточно было героевъ въ роду. Долженъ быть сеньоромъ на островѣ, кабальеро спокойной жизни, создастъ семью, продолжитъ фамилію, которую носилъ.

Хаиме уступилъ просьбамъ вѣчно больной матери: малѣйшее противорѣчіе подвергало, казалось, ее опасности смерти. Разъ она не хочетъ, чтобы онъ сдѣлался морякомъ, онъ изберегъ другое поприще. Долженъ жить какъ другіе юноши его возраста, когорыхъ встрѣчалъ въ стѣнахъ института. Шестнадцати лѣтъ онъ отправился на полуостровъ. Мать желала видѣть его адвокатомъ, чтобъ онъ распуталъ дѣла состоянія, разстроеннаго, отягченнаго ипотеками и займами. Былъ снабженъ громаднымъ багажемъ: цѣлой домашней обстановкой; кошелекъ былъ туго набитъ. Фебреръ не могъ вести образъ жизни бѣднаго студента. Сначала былъ въ Валенсіи: мать считала этотъ городъ менѣе опаснымъ для юношества; второй курсъ прослушалъ въ Барселонѣ, и такъ странствовалъ изъ одного университета въ другой, въ зависимости отъ характера профессоровъ и симпатій къ воспитанникамъ. Успѣхи оказалъ не большіе. Сошло нѣсколько курсовъ, по счастливой случайности въ моментъ экзамена и благодаря умѣнью спокойно и смѣло говорить, чего не зналъ. На другихъ курсахъ срѣзывался и не могъ двигаться дальше. Мать находила удовлетворительными всѣ объясненія при его пріѣздахъ въ Майорку. Даже сама утѣшала его, совѣтуя не заниматься особенно усиленно, и сбрушивалась на несправедливость настоящихъ временъ. Ея неумолимый врагъ, папесса Хуана отлично это знала. Это времена не кабальеро. Имъ объявили войну; съ ними творили всякія несправедливости, дабы затирать ихъ.

Хаиме пользовался популярностью въ барселонскихъ и валенсіанскихъ кружкахъ и кофейняхъ, гдѣ игралъ. Его звали «майоркинецъ съ унціями»: мать присылала

ему деньги золотыми унціями, вызывающе сверкавшими на зеленых столахъ. Престижъ великолѣпія сочетался со страннымъ титуломъ butifarra: титулъ этотъ вызывалъ на полуостровѣ смѣхъ и, въ то же время, у многихъ представленье объ особой феодальной власти, правахъ верховнаго сеньора отдаленныхъ острововъ.

Прошло пять лѣтъ. Хаиме былъ уже мужчиной, но до сихъ поръ и наполовину не закончилъ курса ученія. Его сотоварищи – островитяне, возвращаясь на лѣто, развлекали пріятелей въ кофейняхъ на Борне разказами о барселонскихъ похощеніяхъ Фебрера. Видѣли его на улицахъ подъ руку съ шикарными дамами; дикіе завсегдатаи домовъ, гдѣ играютъ въ азартныя игры, питали великое уваженіе къ «майоркинцу съ унціями» за его силу и мужество. Рассказывали что однажды ночью онъ схватилъ извѣстнаго драчуна и поднялъ его на своихъ атлетскихъ рукахъ, какъ перышко, чтобы выбросить за окно. И мирные майоркинцы, при такихъ повѣствованіяхъ, улыбались съ патріотическою гордостью. Фебреръ! истинный Фебреръ! Островъ, какъ всегда, производитъ на свѣтъ Божій бравыхъ молодцовъ.

Добрая донья Пурификасіонъ, мать Хаиме была очень недовольна и, въ то же время, радовалась материнскою радостью, узнавъ, что одна возмутительная женщина пріѣхала на островъ вслѣдъ за ея сыномъ. Понимала и оправдывала ее. Хаиме такой славный юноша!.. Но двѣца своими костюмами и фигурой смущала благонравныхъ горожанъ; хорошія семьи негодовали, и донья Пурификасіонъ, черезъ посредниковъ, вступила въ переговоры съ нею, предложила ей взять денегъ и оставить островъ. Въ слѣдующія вакаціи произошелъ болѣе серьезный скандалъ. Охотясь въ Сонѣ Фебреръ, онъ завязалъ интригу съ молодой, красивой крестьянкой и едва не дошелъ до перестрѣлки съ деревенскимъ парнемъ, ухаживавшимъ за нею, Сельскіе романы помогали ему коротать скучное лѣтнее одиночество. Настоящій Фебреръ, какъ и его дѣдушка! Бѣдная сеньора знала, какъ слѣдуетъ относиться къ свекору, всегда серьезному и парадному, ласкавшему за подбородокъ молодыхъ крестьянокъ съ холоднымъ величіемъ дворянина. Въ окрестностяхъ помѣсія Сонѣ Фебреръ не мало ребятъ походило на дона Орасіо, но его супруга – мексиканка, поэтическая натура, была выше всякихъ подобныхъ пустяковъ и съ арфой на колѣняхъ, полузакрывъ глаза, декламировала поэмы Оссіана. Деревенскія чары блестящей косынки, спущенной косы, бѣлыхъ пеньковыхъ башмаковъ привлекли нарядныхъ, важныхъ Фебреровъ съ неотразимой силой.

Когда донья Пурификасіонъ с?товала на продолжительныя охотничьи экскурсіи по острову, совершаемая сыномъ, посл?дній оставался въ город? и проводилъ день въ саду, занимаясь стр?льбой изъ пистолета. Показывалъ встревоженной матери м?шокъ, спрятанный въ т?ни апельсиннаго дерева.

– Видите это?.. центнеръ пороху. Пока не изведу, не успокоюсь.

Боялась появляться у окна кухни мад? Антонія. На минуту показывали свои б?лыя токи монахини, занимавшія часть стариннаго дворца, и тотчасъ прятались, какъ голуби, которыхъ спугнула непрерывная сгр?льба.

Окруженный зубчатыми оградами, примыкающими къ береговой ст?н?, съ утра до ночи оглашался садъ трескомъ. Встревоженно взвивались птицы и исчезали, метались по щелистымъ ст?намъ зеленыя ящерицы, скрывавшіяся между поб?говъ плюща, въ смятеніи, галопомъ проб?гали по аллеямъ кошки. Деревья, старыя – престарыя, выгляд?ли столь же внушительно, какъ и дворець; стол?тнія апельсинныя деревья, съ искривленными стволами, нуждавшіяся въ подпоркахъ для своихъ почтенныхъ членовъ; гигантскія магноліи, съ очень скудной листвою; бесплодныя пальмы, устремлявшіяся въ голубую высоту надъ зубцами ограды – вид?ть море и прив?тствовать его кивками своихъ хохлатыхъ вершинъ.

Отъ солнца трещала древесная кора и лопались забытыя на земл? с?мена. Словно золотыя искры, роились жужжащія нас?комыя въ полосахъ св?та, прор?зывавшихъ листву; по временамъ, какъ будто всплескивая, падали сп?лыя фиги, разставаясь съ в?твями; издали слышалась колыбельная п?сня моря, ударившаго въ скалы у подножія ст?ны. И среди этой тишины, населенной тихими звуками, Фебреръ продолжалъ стр?лять изъ пистолета. Онъ былъ уже маэстро. Ц?лясь въ чучело, нарисованное на ст?н?, онъ жалелъ, что передъ нимъ не челов?къ, ненавистный врагъ, котораго необходимо уничтожить. Эта пуля предназначена для сердца. Пули! Радостно улыбался, уб?дившись, что пробита дыра какъ разъ въ томъ м?ст?, куда ц?лился. Шумъ выстр?ловъ, дымъ пороха порождали въ его воображеніи воинственныя фантазіи исторіи борьбы и смерти, и въ нихъ онъ всегда выходилъ героемъ поб?дителемъ. Двадцать л?тъ, а онъ еще ни разу не дрался... Непрем?нно требовалось поспорить, чтобы доказать храбрость. Къ несчастію, у него не им?дось врагов; но онъ постарается создать себ? врага, когда вернется на полуостровъ. И повинуюсь безумному полету своего воображенія, возбужденнаго трескомъ выстр?ловъ, онъ рисовалъ себ? поединокъ чести. Противникъ стр?ляетъ первымъ, онъ падаетъ на землю. Но

пистолетъ еще у него въ рукахъ: простертый на землѣ, онъ долженъ защищаться, бороться. И къ великому ужасу матери и мадъ Антоніи, которая, выглянувъ изъ окна, принимали его за сумасшедшаго, онъ лежалъ лицомъ къ землѣ и продолжалъ стрѣлять въ такомъ положеніи, упражняясь «на случай, если его ранять».

Вернувшись на полуостровъ съ намѣреніемъ продолжать безконечныя занятія, онъ чувствовалъ себя окрѣпшимъ благодаря деревенской жизни; упражненія въ саду сдѣлали его смѣлымъ; онъ жаждалъ сразиться съ первымъ, кто дастъ малѣйшій предлогъ. Но былъ онъ челоѣкъ вѣжливый, неспособный къ несправедливому задору; видъ его внушалъ забіякамъ уваженіе – время шло, подраться не удавалось. Бьющая ключемъ юность, избытокъ рвущихся наружу силъ расходовались на темныя похождения и безумное мотовство: съ восхищеніемъ повѣствовало потомъ о нихъ его университетскіе товарищи.

Въ Барселонѣ онъ получилъ телеграмму извѣщавшую, что мать его тяжело заболѣла. Потерялъ два дня: не находилось судна, готоваго сняться съ якоря. Когда прибылъ на островъ, его мать уже умерла. Изъ родныхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ дѣтствѣ, не оставалось никого. Одна мадъ Антонія могла напоминать ему о прошломъ.

Въ моментъ, когда Хаиме оказался хозяиномъ состоянія Фебреровъ и получилъ возможность пользоваться неограниченной свободой, шелъ ему тридцать четвертый годъ. Стремленія предковъ блистать истощили это состояніе; всякаго рода обязательства лежали на немъ. Домъ Фебреровъ былъ великъ, какъ суда, которая, будучи выброшена на мель и безповоротно погибая, обогащаетъ берегъ, гдѣ имъ суждена гибель. Остатки, на которые съ презрѣніемъ взглянули бы предки, все же представляли собой цѣлое богатство. Хаиме не хотѣлъ думать, не хотѣлъ знать. Нужно жить, видѣть свѣтъ, – и онъ оставилъ науку. Чтобы пожить на славу, требуются развѣ римскіе законы и обычаи или каноническія правила? Онъ уже достаточно зналъ. На самомъ дѣлѣ, наиболѣе пригодныя и пріятныя познанія онъ получилъ отъ матери, еще мальчикомъ, дома, еще не выдавъ никакихъ учителей. Она научила его немного французскому языку, немного игрѣ на фортепьяно, пользуясь стариннымъ инструментомъ съ пожелтѣвшими клавишами и высокимъ, почти до самаго потолка, пюпитромъ обтянутымъ краснымъ шелкомъ. Другіе знали меньше его, а были такими кабальеро и куда счастливѣе его. Жить!

Два года пробывъ въ Мадридѣ, онъ имѣлъ любовницъ, составившихъ ему извѣстную популярность, имѣлъ знаменитыхъ лошадей, шумѣлъ на форноскихъ антресоляхъ, былъ интимнымъ другомъ одного знаменитаго тореадора, – напропалую игралъ въ клубахъ улицы Алькала. Сразился на дуэли, но не такъ, какъ рисовалъ въ своемъ воображеніи – лежа, съ пистолетомъ въ правой рукѣ – а на шпагахъ. Вышелъ изъ поединка съ колотой раной въ руку – настоящій булавочный уколъ на кожѣ слона. Пересталъ быть «майоркинцемъ съ унціями». Запасъ золотыхъ свитковъ, сохраняемыхъ матерью, истощился; теперь Хаиме щедрою рукою бросалъ на игорные столы билеты и, при «двойномъ козырѣ» писалъ своему управляющему – адвокату, представителю старой семьи mossons, зависѣвшей отъ Фебреровъ уже нѣсколько вѣковъ.

Хаиме скучалъ въ Мадридѣ, гдѣ чувствовалъ себя почти иностранцемъ. Въ немъ жила душа древнихъ Фебреровъ, великихъ скитальцевъ по всѣмъ странамъ кромѣ Испаніи: постоянно они поворачивались спиною къ своимъ королямъ. Многіе изъ предковъ освоились со всѣми главными городами Средиземнаго моря, посѣщали князей мелкихъ итальянскихъ государствъ, получали аудіенціи у папы и великаго турка, но никогда не приходилось имъ отправляться въ Мадридъ. Помимо того, Фебреръ часто сердился на своихъ столичныхъ родственниковъ, юношей, гордыхъ своими благородными титулами, смѣявшихся надъ его страннымъ званіемъ butifarra. И, замѣтьте себѣ, семья представила родственникамъ, живущимъ на полуостровѣ, различныя маркизскія прерогативы, предпочла высшій титулъ островной знати и высокія отличія мальтійскихъ рыцарей!..

Онъ началъ путешествовать по Европѣ, осенью и въ началѣ зимы дѣлая своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ Парижъ, въ холодные мѣсяца, Голубой берегъ, весною Лондонъ и лѣтомъ Остенде, временами наѣзжая въ Италію, Египетъ и Норвегію смотрѣть полунощное солнце. При своемъ новомъ образѣ жизни онъ почти стусебался. Жилъ скорѣе какъ простой путешественникъ, какъ незначительный шарикъ великой артеріальной сѣти, которую страсть къ путешествіямъ раскинула поконтиненту. Но эта непрерывно – подвижная жизнь, съ гнетущимъ однообразіемъ и неожиданными приключеніями, удовлетворяли его атавистическимъ инстинктамъ, наклонностямъ, унаслѣдованнымъ отъ отдаленныхъ предковъ, великихъ гостей новыхъ странъ. Затѣмъ, странствованія утоляли его страсть ко всему необычному. Въ отеляхъ Ниццы, фаланстеріяхъ мірового разврата, самаго лицемѣрнаго и прикрытаго, въ темнотѣ комнаты его чувственность щекотали неожиданныя посѣщенія. Въ Египтѣ ему пришлось бѣжать отъ декадентскихъ ласкъ венгерской графини, блѣднаго цвѣтка изящества, съ глубокими глазами, сильно надушенной; за

нужнымъ, молодымъ, блестящимъ обликомъ ея скрывалось гнилое тѣло.

Въ Мюнхенѣ ему исполнилось двадцать восемь лѣтъ. Передъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Байрейтъ на представленія вагнеровскихъ оперъ, а теперь, въ столицѣ Баваріи посѣщалъ городской театръ, гдѣ шли моцартовскія празднества. Хаиме не былъ меломаномъ, но странническая жизнь вынуждала его направляться туда, куда направлялась толпа, и роль піаниста – любителя два года къ ряду обрекала его на музыкальное паломничество.

Въ мюнхенскомъ отелѣ онъ встрѣтился съ миссъ Мэри Гордонъ, которую раньше видѣлъ въ вагнеровскомъ театрѣ. Это была высокая, стройная, тонкая англичанка, съ крѣпкимъ тѣломъ гимнастки: sports не дали развиться женскимъ полнымъ круглымъ формамъ, придали ей цвѣтушій, здоровый, безполый видъ, – видъ красиваго юноши. Наибольшей красотой отличалась голова – голова пажы, прозрачная, какъ форфоръ: розовыя ноздри игривой собаки, влажные голубые глаза и свѣтлыя волосы, бѣловато – золотые сверху, темно – золотые снизу. Красота ея вызывала поклоненіе, хрупкая, британская красота; въ тридцать лѣтъ ее хоронять фіолетово – мѣдный налетъ и желтыя пятнышки на кожѣ.

Иногда она изумляла Хаиме въ ресторанѣ взглядомъ голубыхъ глазъ, ясныхъ, спокойно – смѣлыхъ, устремленныхъ на него. Ходила съ толстой, рыхлой, нарумяненной дамой, компаньонкой въ черномъ костюмѣ, canotier соломенномъ красномъ, такого же цвѣта поясъ, раздѣлявшемъ на два большихъ полушарія ея грудь и животъ. Она, молодая, легкая, казалась цвѣткомъ изъ золота и жемчуга въ своемъ бѣломъ фланелевомъ платьѣ, мужского покроя, въ мужскомъ галстукѣ, въ панамѣ съ вогнутыми полями, со спущенной голубой вуалью.

Фебреръ встрѣчался съ ними на каждомъ шагу: въ картинной галлерее, передъ Евангелистами Дюрера; въ скульптурной гаплере, осматривая эгинскіе мраморы въ городскомъ театрѣ рококо, гдѣ пѣли въ честь Моцарта, старинной залѣ, съ украшеніями изъ форфора и гирляндъ, внушавшими зрителямъ мысль о пурпурныхъ каблукахъ и бѣлыхъ парикахъ. Привыкши встрѣчаться, Хаиме привѣтствовалъ ее улыбкой, а она, казалось, робко отвѣчала сверкающимъ взглядомъ своихъ глазъ.

Однажды утромъ, выйдя изъ комнаты, онъ встрѣтился съ англичанкой на площадкѣ лѣстницы. Она наклонила свой мужской бюстъ надъ перилами.

– Лифтъ! Лифтъ! – кричала она своимъ птичьимъ голосомъ, вызывая служителя подъемной машины.

Войдя вмѣстѣ съ нею въ клѣтку, Фебреръ поклонился и сказалъ нѣсколько словъ, чтобы завязать разговоръ, Англичанка молчала, пристально глядя на него ясно – голубыми зрачками, въ которыхъ, казалось, искрилась золотая звѣзда. Она сидѣла неподвижно, какъ будто не поняла. Но Хаиме видалъ ее въ читальной залѣ перелистывающей парижскія газеты.

Выйдя изъ подъемной машины, англичанка быстрымъ шагомъ направилась въ контору, гдѣ съ перомъ въ рукѣ находился кассиръ гостиницы, Послѣдній выслушалъ ее съ услужливымъ видомъ, какъ полиглотъ, понимающій всѣхъ квартирантовъ, вышелъ изъ-за своей загородки и спустился къ Хаиме. Фебреръ притворился, будто читаетъ объявленія въ вестибюлѣ, все еще смущенный своимъ фіаско. Онъ не повѣрилъ своимъ ушамъ, когда услышалъ: – Господинъ, эта барышня проситъ васъ представить.

И, обернувшись къ англичанкѣ, служащій прибавилъ съ нѣмецкимъ спокойствіемъ, какъ челоуѣкъ, выполняющій свой профессиональный долгъ:

– Monsieur гидальго Фебреръ, испанскій маркизъ!

Онъ зналъ свою обязанность. Каждый испанецъ, путешествующій съ хорошими чемоданами, есть гидальго и маркизъ, разъ не заявляетъ о себѣ иначе.

Затѣмъ указалъ глазами на англичанку. Та стояла строгая и важная во время церемоніи, безъ которой ни одна дѣвушка не можетъ переброситься словомъ съ мужчиной. – Миссъ Гордонъ, докторъ мельбурнскаго университета.

Миссъ протянула свою маленькую ручку въ бѣлой перчаткѣ и съ грубостью гимнаста пожала правую руку Фебрера. Только тогда рѣшилась говорить.

– О, Испанія!.. О, донъ Кихоть!

Не помня какъ, они вышли вмѣстѣ изъ отеля, бесѣдуя о представленіяхъ, которыя посѣщали по вечерамъ. Сегодня театра не было, и она, думала отправиться на поле Theresienwiese у статуи Баваріи, посмотреть тирольскій праздникъ,

послушать тирольскія пѣсни. Позавтракавъ въ отелѣ, они явились на поле; поднялись на вершину огромной статуи, обозрѣвали баварскую равнину, ея озера и далекія горы; пробѣжали Галлерею славы, заставленную бюстами знаменитыхъ баварцевъ, имена которыхъ, по большей части, читали впервые, и закончили хожденіемъ изъ балагановъ въ балаганъ, восхищаясь костюмами тирольцевъ, ихъ гимнастическими танцами, ихъ руладами и трелями въ родѣ соловьиныхъ.

Ходили вдвоемъ, какъ будто знакомы были цѣлую жизнь. Хаиме удивлялся, въ ея жестахъ и движеніяхъ, смѣлости и свободѣ англосаксонскихъ дѣвушекъ, не боящихся общенія съ мужчиной, чувствующихъ твердую почву подъ ногами, при собственномъ надзорѣ за собой. Съ этого дня они вмѣстѣ отправлялись осматривать музеи, академіи, старинныя церкви, иногда одни, иногда съ компаньонкой – миссъ, старавшейся слѣдовать за ними. Какъ товарищи они обмѣнивались впечатлѣніями, игнорируя разность половъ. Хаиме испытывалъ желаніе воспользоваться этой интимностью, говорилъ любезности, позволялъ себѣ маленькія вольности, но въ надлежащій моментъ сдерживался. Съ этими женщинами опасно дѣйствовать: онѣ остаются безстрастными, при всякихъ впечатлѣніяхъ; необходимо ждать, пока она сама не сдѣлаетъ перваго шага. Эти женщины могутъ однѣ странствовать по міру, сознавая, что способны порывы страсти остановить тударами бокса. Во время своихъ путешествій онъ встрѣчалъ такихъ, которыя въ муфтахъ или въ ридикюляхъ, вмѣстѣ съ коробочками пудры и платкомъ, носили съ собою крошечный никелированный револьверъ.

Миссъ Мэри рассказывала ему объ отдаленномъ океанійскомъ архипелагѣ, гдѣ отецъ ея былъ чѣмъ-то вродѣ вице – короля. Матери у ней не было. Она пріѣхала въ Европу пополнить образованіе, полученное ею въ Австраліи. Была докторомъ мельбурнскаго университета, докторомъ музыки... Хаиме, съ удивленіемъ слушая ея рассказы о далекомъ мірѣ, но стараясь не выдавать своего удивленія, говорилъ о себѣ, о своей семьѣ, о своей странѣ, о достопримѣчательностяхъ острова, пещерѣ Артѣ, трагически грандіозной, хаотической, какъ предверіе ада, драконовыхъ гротахъ, съ ихъ свѣтлыми сталактитовыми роцями, словно ледяной дворецъ, съ ихъ тысячеклѣтними, дремлющими озерами, изъ кристальной глубины которыхъ, казалось, вотъ – вотъ, подымутся волшебныя нагія фигуры, подобныя дочерямъ Рейна, охранявшимъ сокровище Нибелунговъ. Миссъ Гордонъ восторженно внимала ему. Хаиме какъ бы выросъ въ ея глазахъ – сынъ сказочнаго острова, гдѣ море сине, солнце сіяетъ всегда, цвѣтутъ апельсиныя деревья. Мало – по – малу Фебреръ сталъ проводить вечера въ комнатѣ англичанки. Представленія празднествъ Моцарта закончились. Миссъ Гордонъ ежедневно требовалась духовая пища – музыка. Въ салонѣ у ней были

рояль и комплект партитуръ, сопровождавшіе ее и въ путешествіяхъ. Хаиме садился рядомъ съ нею, передъ клавиатурой, и старался аккомпанировать ей въ пьесахъ, которыя интерпретировались всегда одного и того же автора, божественнаго, единственнаго. Отель находился около станціи: шумъ телѣжекъ, экипажей и трамвайныхъ вагоновъ энервировалъ англичанку, заставлялъ ее закрывать окна. Компаньонка оставалась въ своей комнатѣ, довольная, что не приходится соучаствовать въ этой музыкальной вакханаліи: куда больше удовольствія поработать, какъ слѣдуетъ, надъ ирландской вышивкой. Миссъ Гордонъ, наединѣ съ испанцемъ, вела себя, какъ учительница.

- Ну, еще разъ: повторимъ тему «шпаги». Будьте внимательнѣй.

Но Хаиме былъ разсѣянъ: поглядывалъ украдкой на гладенькую, блѣдую – преблѣдую шею англичанки, съ золотистыми волосиками, съ тѣю синихъ венъ, слегка обозначившуюся на прозрачной, перламутровой кожѣ.

Однажды вечеромъ шелъ дождь: свинцовое небо, казалось, грозило смыть краску съ крышъ. Въ гостинной разливался тусклый свѣтъ виннаго склада. Играли почти впотьмахъ; читая на блѣдомъ пятнѣ нотъ, вытягивали впередъ головы. Шумѣлъ зачарованный лѣсъ, качая зеленымъ, шелестящимъ уборомъ надъ Зигфридомъ, невиннымъ сыномъ природы, жаждавшихъ узнать языкъ и душу неодушевленныхъ предметовъ. Пѣла птица – руководительница, и раздавался ея нѣжный голосъ, временами заглушаемый, среди ропота листвы. Мэри дрожала въ восторгѣ.

- Ахъ, поэтъ!.. Поэтъ!

И продолжала играть. Въ нараставшемъ мракѣ гостинной звучали дикіе аккорды, провожавшіе героя къ могилѣ, похоронный маршъ воиновъ, несущихъ на длинномъ четырехъугольномъ щитѣ коренастое, блѣлое и золотистое тѣло Зигфрида, и прерывающая звуки марша меланхолическая фраза бога боговъ. Мэри играла съ дрожью: вдругъ ея руки отдѣлились отъ клавишей, голова очутилась на плечѣ Хаиме, – словно птица сложила свои крылья.

- О, Рихардъ!.. Рихардъ, mon bien aime!

Испанецъ увидѣлъ ея блуждающіе глаза, ея плачущій ротъ: они отдавались ему; почувствовалъ въ своихъ рукахъ ея холодныя руки. Дыханіе его захватило. На

груди его легли два скрытыхъ, эластичныхъ, твердыхъ полушарія, существованія которыхъ онъ не могъ подозрѣвать...

Въ этотъ вечеръ музыки больше не было.

Въ полночь, ложась спать, Фебреръ все еще не могъ опомниться. Онъ былъ первый, первый, достигшій цѣли: внѣ сомнѣнія. Послѣ столькихъ нерѣшительныхъ минутъ все вышло необыкновенно просто, какъ будто предложили руку, безъ всякихъ стараній.

Удивительнымъ казалось и то, что его назвали чужимъ именемъ. Кто этотъ Рихардъ? Но въ часъ нужныхъ, мечтательныхъ признаній, смѣняющихъ часы безумія и забвенья, она рассказывала ему о впечатлѣніи, которое испытала, впервые увидавъ его среди тысячи головъ зрителей байрейтскаго театра. Это былъ онъ! Онъ, какимъ его изображаютъ юношескіе портреты! И встрѣтившись съ нимъ снова въ Мюнхенѣ, подъ одною кровлею, она поняла, что «жребій брошенъ» и бесполезно бороться противъ притягательной силы.

Фебреръ съ ироническимъ любопытствомъ осмотрѣлъ себя въ зеркало. Что могла найти женщина! Да: онъ походилъ на другого... Мясистый лобъ, рѣдкіе волосы, острый носъ, торчащая борода... Съ годами все это обозначится рѣзче и придастъ ему профиль колдуна... Великолѣпный, славный Рихардъ! Какъ это случилось: онъ подарилъ ему однѣ изъ наиболѣе счастливыхъ минутъ въ жизни?... Что за оригинальная женщина!

И удивленіе его еще увеличилось въ слѣдующіе дни, смѣшиваясь съ горечью. Эта женщина, какъ будто, ежедневно перерождалась, забывая прошлое. Она встрѣчала его съ важнымъ и строгимъ видомъ, словно ничего не произошло, словно факты не оставляли въ ней слѣдовъ, словно предыдущаго дня не существовало. И только когда музыка воскрешала память о другомъ человѣкѣ, она становилась нужной и покорной.

Хаиме, выведенный изъ себя, хотѣлъ повелѣвать ею: онъ, какъ – никакъ, мужчина. Онъ сталъ добиваться того, что игры на фортепьяно было меньше и въ немъ она видѣла нѣчто больше живого портрета кумира.

Имъ, опьяненнымъ счастьемъ, Мюнхенъ показался безобразнымъ, скучнымъ показался отель, гдѣ они были чужіе другъ для друга. Они чувствовали

потребность на свобод? ворковать, улет?ть подальше. И въ одинъ прекрасный день очутились въ гавани, гд?, у входа, стоялъ каменный левъ, а за нимъ простиралась необозримая равнина громаднаго озера, слившагося на горизонт? съ небомъ. Они были въ Линдау. На пароход? они могли отправиться, какъ въ Швейцарію, такъ и въ Констанць. Предпочли тихій н?мецкій городъ, знаменитый соборомъ поселились въ гостиниц? Острова, старомъ доминиканскомъ монастыр?.

Какъ волновался Фебреръ, вспоминая эту эпоху, лучшую въ его жизни! Мэри, попрежнему, была для него оригинальной женщиной; всегда приходилось покорять ее. Доступная въ изв?стные часы, въ остальное время она держалась холодно и строго. Она была его любовницей; однако онъ не могъ позволить себ? ни мал?йшей вольности, ничего, говорящаго объ интимностяхъ сожителства. При мал?йшемъ намек? на нихъ она красн?ла и протестовала: shoking!.. Т?мъ не мен?е, каждое утро, на зар?, Фебреръ по корридорамъ бывшаго монастыря пробирался въ свою комнату, приводилъ въ безпорядокъ кровать, чтобы прислуга ничего не подозр?вала, и выглядывалъ на балконъ. Въ саду высокихъ розъ, раскинутомъ у его ногъ, п?ли птицы. Дальше, безконечная гладь Констанцскаго озера окрашивалась пурпуромъ солнечнаго восхода. Первыя рыбацкія лодочки разр?зали воду волнами апельсиннаго отт?нка. Слышался вдали звонъ соборныхъ колоколовъ, разносимый влажнымъ утреннимъ в?тромъ. Начинали скрип?ть подъемные краны на берегу, гд? кончаются дамбы и озеро превращается въ Рейнъ. Шаги слугъ и звуки чистки будили въ отел? эхо монастырскаго корридора.

У балкона, совс?мъ близко, такъ что Хаиме могъ достать рукою, стояла башенка съ шиферной кровлей, со старинными гербами на круглой ст?н?. Въ этой башн? сид?лъ Иванъ Гуссъ, передъ смертью на костр?.

Испанецъ думалъ о Мэри. Сейчасъ, въ благоухающемъ мрак? своей комнаты, закинувъ руки за б?локурую головку, она покоится первымъ, кр?пкимъ сномъ; ея т?ло устало и еще дрожить отъ самыхъ благородныхъ усилий... Б?дный Иванъ Гуссъ! Фебреръ жал?лъ его, словно друга. Сожгли передъ очаровательнымъ пейзажемъ, можетъ быть, въ такое же утро!.. Броситься въ пасть волка, отдать жизнь за пререканія о томъ, хорошъ или дуренъ папа, могутъ или н?тъ міряне причащаться виномъ, какъ священники! Умереть за это, когда жизнь такъ прекрасна, когда еретикъ могъ бы великол?пно украсить ее какой-нибудь б?локурой, полногрудой, широкобедрой пріятельницей кардинала, присутствовавшей на его казни!.. Несчастныи апостолы Хаиме чувствовалъ

ироническую жалость къ наивному мученику. Онъ глядѣлъ на жизнь иными глазами. Да здравствуетъ любовь!.. Она – единственная серьезная вещь въ жизни.

Около мѣсяца они пробыли въ старинномъ епископскомъ городѣ. Прогуливались вечерами по пустыннымъ улицамъ, заросшимъ травой, съ ихъ развалившимися дворцами эпохи Собора. Спускались въ лодкѣ внизъ по Рейну, вдоль береговъ, покрытыхъ лѣсами. Остановливаясь, любясь домиками съ красной крышей и густымъ ползучимъ виноградомъ, подъ навѣсомъ котораго пѣли горожане, съ кружкой въ рукахъ, пѣли, какъ нѣмецкіе регенты – исполненные важной и спокойной радости.

Изъ Костанца они направились въ Швейцарію, а затѣмъ въ Италію. Цѣлый годъ они любовались вмѣстѣ пейзажами, осматривали музеи, посѣщали развалины. Въ закоулкахъ послѣднихъ Хаиме пользовался случаемъ и цѣловалъ сахарную кожу Мэри, наслаждаясь заливавшимъ ее румянцемъ и сердитымъ, протестующимъ видомъ. Shoking! Ея спутница, равнодушная словно чемоданъ, къ новымъ мѣстамъ и картинамъ, работала надъ ирландской накидкой, начатой еще въ Германіи, отдѣлывала ее и при переѣздѣ черезъ Альпы, и тогда когда проѣзжали мимо Аппенинъ, и въ виду Везувія или Этны. Будучи лишена возможности разговаривать съ Фебреромъ, не знавшимъ англійскаго языка, она привѣтствовала его, сверкая желтыми зубами, и снова принималась за работу, украшая, какъ декоративная фигура, залы отелей.

Влюбленные собирались повѣнчаться. Мэри разрѣшала вопросъ безапелляціонно и быстро. Требовалось только написать отцу пару строчекъ. Онъ очень далеко. Кромѣ того, она никогда ни о чемъ не совѣтовалась съ нимъ. Онъ одобритъ всякій ея поступокъ, полагаясь на ея разсудительность и благоразуміе.

Они были въ Сициліи, въ странѣ, напоминавшей Фебреру его островъ. Предки его, въ свою очерідь, показывались сюда, но съ панциремъ на груди и въ худшей компаніи. Мэри толковала о будущемъ, съ практическимъ чутьемъ, свойственнымъ ея расѣ, устраивала финансовую сторону будущаго союза. Пусть у Фебрера мало средствъ: это не важно, ея богатства хватитъ на обоихъ. И она перечисляла все свое имущество, земли, дома и акціи, какъ управляющій, полагающійся на свою память. По возвращеніи въ Римъ, они обвѣнчались въ евангелической капеллѣ и католической церкви. Она знакома съ однимъ кардиналомъ, который проведетъ ее къ папѣ. Его преосвященство устроить все.

Хаиме не спалъ ц?лую ночь въ сиракузской гостиниц?... Жениться? Мэри – пріятная партія: она украситъ его жизнь и принесетъ ему состояніе. Но, д?йствительно ли она будетъ его женой?.. Его началъ тревожить тотъ другой, знаменитый призракъ, воскрешавшій въ Цюрих?, Венеціи, во вс?хъ м?стахъ, гд? они были, гд? сохранились воспоминанія о маэстро... Онъ состарится, а музыка, его страшный соперникъ, сохранитъ навсегда свою св?жесть. Черезъ короткое время, когда бракъ лишитъ ихъ отношенія чаръ незаконнаго, услады запретнаго, Мэри найдетъ какого – нибуль дирижера, еще бол?е похожаго на «того», или безобразнаго віолончелиста, косматаго, юнаго, напоминающаго Бетховена въ ранней молодости. Притомъ, онъ – челов?къ иной расы, иныхъ привычекъ, иныхъ страстей. Ему надо?ла эта стыдливая сдержанность въ любви, это противод?йствіе р?шительному шагу, которыя въ начал? нравились ему, какъ постоянное обновленіе женщины, но, въ конц? концовъ, его утомили. Н?тъ, еще есть время спастись.

– Жаль: что она подумаетъ объ Испаніи?.. Жаль донъ Кихота, – сказалъ онъ, укладываясь рано утромъ.

И б?жалъ, б?жалъ въ Парижъ, гд? она не стала бы его искать. Она ненавид?ла этотъ неблагодарный городъ, освиставшій Тангейзера за много л?тъ до ея рожденья.

Отъ ихъ связи, продолжавшейся годъ, Хаиме сохранилъ лишь воспоминаніе счастья, прикрашеннаго временемъ, и прядь б?локурыхъ волосъ; долженъ былъ также сохраниться, среди бумагъ, путеводителей и открытокъ съ видами, забытыхъ въ старинномъ письменномъ стол? огромнаго дома, портретъ доктора музыки – портретъ Мэри, удивительно милой въ тог? съ длинными рукавами, въ четырехугольной шапочк? съ кисточкой.

Объ остальной своей жизни онъ почти не помнилъ: тоскливая пустота и финансовыя затрудненія. Управляющій задерживалъ присылку денегъ. Хаиме требовалъ: тотъ отв?чалъ жалобными письмами, говорилъ о процентахъ, подлежащихъ уплат?, о вторыхъ закладныхъ, для которыхъ онъ съ трудомъ находилъ кредиторовъ, о разстройств? состоянія, въ которомъ все заложено и перезаложено.

Думая распутать д?ла собственнымъ присутствіемъ, Фебреръ на короткое время прі?зжалъ на Майорку. Прі?зды его всегда кончались продажей какого-нибудь им?нія. Какъ только въ его рукахъ оказывались деньги, онъ опять подымалъ

паруса, не вникая совѣтамъ управляющаго. Деньги приносили ему радостное, оптимистическое настроеніе. Все уладится. Въ случаѣ крайности онъ прибѣгнетъ къ браку. А пока... поживемъ!

И онъ пожилъ еще нѣсколько лѣтъ, то въ Мадридѣ, то въ большихъ заграничныхъ городахъ, пока управляющій не положилъ конца періоду веселья и расточительности, приславъ заявленіе о своемъ уходѣ, счета и со счетами отказъ высылать впредь деньги.

Цѣлый годъ Хаиме провелъ на островѣ, «погребенный», какъ онъ выражался, развлекаясь единственно по ночамъ игрой въ Казино, а по вечерамъ на Борне, за столомъ старыхъ пріятелей, осѣдлыхъ островитянъ, наслаждавшихся разказами объ его странствованіяхъ. Нужда и нужда! вотъ реальная дѣйствительность его настоящей жизни. Кредиторы угрожали ему немедленными взысканіями. Онъ сохранилъ еще за собою внѣшнимъ образомъ Сонъ Фебреръ и другія имѣнья предковъ. Но собственность приносила на островѣ небольшой доходъ; арендная плата, согласно традиціи, была такова же, какъ при предкахъ: семьи арендаторовъ плодились, пользуясь землей. Они уплачивали непосредственно кредиторамъ, но и такъ не погашалась даже половина процентовъ. Богатыя украшенія дворца Фебреръ лишь имѣли на складѣ. Благородный домъ Фебреровъ скрылся подъ волнами, и не было возможности поднять его на поверхность. Хаиме иногда хладнокровно думалъ о средствѣ выпутаться изъ бѣды безъ униженій и позора: хорошо, если бы въ одинъ прекрасный вечеръ его нашли въ саду, заснуваго вѣчнымъ сномъ подъ апельсиннымъ деревомъ, съ револьверомъ въ рукѣ.

Въ такомъ положеніи, однажды поздней ночью при выходѣ изъ казино, въ минуту, когда нервная безсонница заставляетъ видѣть вещи въ необычайномъ свѣтѣ, въ новыхъ контурахъ, кто-то подалъ ему идею. Богатый чуэта, донъ Бенито, Вальсъ его очень любитъ. Нѣсколько разъ онъ добровольно вмѣшивался въ его дѣла, спасалъ его отъ угрожавшихъ опасностей. Онъ руководился личной симпатіей къ Фебреру и уваженіемъ къ его имени. У Вальса была всего одна наслѣдница. При томъ самъ онъ былъ боленъ. Плодовитость его расы не оправдалась на немъ. Его дочь Каталина на зарѣ молодости намѣревалась сдѣлаться монахиней; но теперь, когда ей перевалило за двадцать лѣтъ, она чувствовала большое пристрастіе къ блеску міра и прониклась нѣжной жалостью къ Фебреру, если въ ея присутствіи толковали объ его несчастьяхъ.

Хаиме протестовалъ противъ предложенной идеи почти столь же рѣшительно, какъ и мадъ Антонія. Чуета!.. Но идея пробивала себѣ дорогу, непрестанно буравила ее, и работу ея облегчали, подобно смазкѣ, возроставшія, подстерегавшія со дня на день затрудненія и нужды. Почему бы не жениться?.. Дочь Вальса – самая богатая на островъ? наслѣдница, а деньги не знаютъ ни крови, ни расы.

Наконецъ, онъ уступилъ настояніямъ друзей, старательныхъ посредниковъ между нимъ и семействомъ Вальса, и сегодня утромъ отправлялся завтракать въ Вальдемосу, гдѣ Вальсъ проводилъ значительную часть года, лѣчась отъ душившей его астмы.

Напрягая память, Хаиме старался припомнить образъ Каталины. Онъ нѣсколько разъ видѣлъ ее на улицахъ Пальмы. Хорошая фигура, пріятное лицо. Если она будетъ вдали отъ своихъ, если будетъ лучше одѣваться, то окажется очень «представительной» дамой... Но любить ее?

Фебреръ скептически улыбнулся. Развѣ любовь необходима для брака? Бракъ – поѣздка или двѣ поѣздки на пространствѣ остальной жизни. Требуется отъ жены только качества хорошей спутницы по экскурсіи: хорошій характеръ, тождество вкусовъ, одинаковыя наклонности по части ѣды и спанья... Любовь! Всѣ предъявляютъ права на нее, а любовь, какъ талантъ, какъ красота, какъ состояніе есть счастье, достигающееся на долю лишь рѣдкимъ – рѣдкимъ избранникамъ. Случайно, обманъ прикрываетъ это жесткое неравенство: всѣ смертные на закатѣ своихъ дней съ тоскою вспоминаютъ юность, увѣрены, что дѣйствительно знали любовь, тогда какъ извѣдали лишь безумство отъ прикосновенія кожи.

Любовь – прекрасная вещь, но не необходимая для брака и жизни. Важно избрать хорошую спутницу для остального путешествія, хорошо приспособиться на жизненныхъ путяхъ. согласовать шаги, чтобы не было ни скачковъ, ни столкновеній: важно владѣть своими нервами и не щетиниться при постоянныхъ прикосновеніяхъ совмѣстной жизни; важно спать, какъ добрые товарищи, уважая другъ друга, не причиняя другъ другу боли колѣнями, не упираясь локтями въ ребра... Онъ надѣялся найти все это и удовлетвориться.

Вдругъ показалась Вальдемоса на вершинѣ холма, окруженная горами. Надъ листвою садовъ, разбитыхъ вокругъ келій, возвышалась башня картезіанскаго монастыря.

Фебреръ увидаль стоявшую на поворотъ дороги коляску. Изъ нея вышелъ человекъ и замахаль руками кучеру Хаиме, чтобы тотъ остановилъ своихъ лошадей. Затѣмъ онъ открыль дверцу, вошелъ, смѣясь, въ экипажъ и усѣлся рядомъ съ Фебреромъ.

– Эге, капитанъ! – произнесъ Хаиме удивленно.

– Не ожидаль встрѣтиться со мной? Да?... Я тоже, на завтракъ. Пригласилъ самъ себя. То-то удивится мой братъ!..

Хаиме пожалъ ему руку. Это былъ одинъ изъ его вѣрнѣйшихъ друзей – капитанъ Пабло Вальсъ.

III

Пабло Вальсъ былъ извѣстенъ всей Пальмѣ. Когда онъ садился на террасѣ какойнибудь кофейни на Борне, около него образовывался кружокъ внимательныхъ слушателей, которые смѣялись надъ его энергичными манерами и громкимъ голосомъ: тихимъ тономъ говорить онъ не умѣлъ.

– Я, – чуета, ну что жъ?.. Еврей изъ евреевъ. Весь нашъ родъ происходитъ съ улицы. Когда я командоваль Roger de Lauria, однажды въ Алжирѣ я остановился у двери синагоги: какой-то старикъ, взглянулъ на меня, сказалъ: – можешь войти: ты изъ нашихъ. – Я протянулъ ему руку, и онъ одобрительно произнесъ: – спасибо, товарищъ по вѣрѣ.

Слушатели смѣялись, а капитанъ Вальсъ, громогласно заявляя о своемъ званіи чуеты, смотрѣль кругомъ, какъ бы дѣлая вызовъ дамамъ, людямъ и душѣ острова, ненавидящаго его расу нелѣпой вѣковой ненавистью.

Его лицо выдавало его происхожденіе. Золотисто – сѣрые бакенбарды, короткіе усы характеризовали его, какъ отставного моряка; но краснорѣчивѣе этихъ украшеній изъ волосъ говорили его семитическій профиль, горбатый мясистый носъ, выдающійся подбородокъ, глаза съ продолговатыми вѣками, со зрачками, отливавшими янтаремъ и золотомъ при свѣтѣ, и искорками табачнаго цвѣта.

Онъ много плавалъ, подолгу жилъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Благодаря пребыванію въ этихъ свободныхъ странахъ, чуждыхъ религіозной ненависти, онъ усвоилъ задорную откровенность, бросалъ вызовъ традиціоннымъ предрасудкамъ острова, спокойнаго, неподвижнаго въ своемъ засто?. Другіе чуеты, запуганные в?ковыми пресл?дованіями и презр?ніемъ, скрывали свое происхожденіе, или старались своей кротостью заставить забыть о немъ. Капитанъ Вальсъ при каждомъ удобномъ случа? говорилъ о немъ, гордился имъ, какъ дворянскимъ титуломъ, на зло всеобщимъ предрасудкамъ.

– Я еврей, ну что же?.. – продолжалъ онъ кричать. Единов?рецъ Іисуса, св. Павла и другихъ святыхъ, кому поклоняются въ алтаряхъ. Бутифарры съ гордостью толкуютъ о своихъ предкахъ, а ихъ предкамъ безъ году нед?ля. Я бол?е благородень, бол?е древняго рода: предки мои были библейскими патріархами.

Зат?мъ, негодуя на предрасудки, яростно пресл?довавшіе его расу, онъ переходилъ къ нападенію.

– Въ Испаніи, – говорилъ онъ съ достоинствомъ, – н?тъ христіанина, который могъ заирать носъ. Вс? мы потомки евреевъ или мавровъ, А кто н?тъ... кто н?тъ...

Тутъ онъ останавливался и посл? короткой паузы р?шительно заявлялъ:

– А кто н?тъ, тотъ потомокъ монаха.

На полуостров? незнакома традиціонная ненависть къ евреямъ, до сихъ поръ разд?ляющая населеніе Майорки на дв? касты. Говоря о своемъ отечеств?, Пабло Вальсъ приходитъ въ ярость. Въ немъ не существуетъ евреевъ по в?р?; уже в?ка, какъ уничтожена посл?дняя синагога. Вс? массаи крещены, а непокорныхъ сожгла инквизиція. Нын?шніе чуеты, самые ревностные католики на Майорк?; они внесли въ свою в?ру семитическій фанатизмъ. Громко молились, д?лали священнослужителями своихъ д?тей, старались устроить своихъ дочерей въ монастыри, фигурировали, – люди богатые, – среди сторонниковъ самыхъ консервативныхъ идей, и, однако, надъ ними тягот?ла антипатія, какъ и въ прошлые в?ка, и жили они одиноко: ни одинъ общественный классъ не желалъ сближаться съ ними.

– Четыреста пятьдесят лет, как впитали мы в себя воду крещения, – продолжал кричать капитан Вальс, – а все мы проклятые, отверженные, как до крещения. Разв? это ничего не значит?.. Чуеты! Берегитесь их! Дурные люди!.. На Майорк? существует два католицизма: один для наших, другой – для прочих.

Зат?мъ съ ненавистью, пропитанною, казалось, яростью вс?хъ пресл?дованій, морякъ говорилъ по адресу своихъ братьевъ.

– Под?ломъ имъ: трусы, слишкомъ любили остромъ, эту Провіантскую башню[З - Roqueta – провіантская башня старинныхъ кр?постей.], гд? мы родились. Чтобы не оставить ее, сд?лались христіанами. И вотъ теперь, когда они – настоящіе христіане, имъ платятъ пинками. Остаются евреями, разс?йся по б?лому св?ту, какъ другіе, были бы они сейчасъ важными особами и банкирами королей, а не сид?ли бы въ уличныхъ лавченкахъ и не д?дали бы серебрянныхъ кошельковъ.

Скептикъ въ религіозныхъ вопросахъ, онъ презиралъ и атаковалъ вс?хъ – в?рныхъ своимъ стариннымъ в?рованіямъ евреевъ, обращенныхъ, католиковъ, мусульмановъ, съ которыми ст?лкивался при своихъ путешествіяхъ по берегамъ Африки и гаванямъ Малой Азіи. Но иногда проникался атаквистическими симпатіями и проявлялъ религіозное уваженіе къ своей рас?.

Онъ – семитъ: – тобъявлялъ онъ съ гордостью, ударяя себя въ грудь. – Первый народъ въ мір?. – Жалкіе, подыхали мы съ голоду въ Азіи: тамъ не съ к?мъ было торговать, некого было сжухать деньгами. Но никто, кром? насъ, не далъ челоу?ческому стаду настоящихъ пастырей, которые во в?ки в?ковъ останутся господами людей. Моисей, Іисусъ и Магометъ – изъ моей земли... Три столпа силы! да, кабальеро? А теперь мы дали міру четвертаго пророка, также нашей расы и крови. Только у него два лика и два имени. Съ одной стороны, его зовутъ Ротшильдомъ: онъ вождь вс?хъ, кто хранитъ деньги. Съ другой стороны, онъ – Карль Марксъ: онъ апостоль т?хъ, кто хочетъ отнять ихъ у богатыхъ.

Исторію еврейскаго племени на остров? Вальсъ по своему излагалъ въ немногихъ словахъ. Н?когда евреевъ было много, великое множество. Почти вся торговля находилась въ ихъ рукахъ Большая часть кораблей принадлежала имъ. Фебреры и остальные магнаты – христіане не стыдились быть ихъ соучастниками. Старые времена можно назвать временами свободы: пресл?дованія и варварство – явленія сравнительно новыя. Евреи были казначеями королей, медеками и другими придворными въ монархіяхъ

полуострова. При зарожденіи религиозной ненависти, наиболее богатые и хитрые евреи – островитяне сумели во время переманить веру, добровольно, слились с местными родами и заставили забыть о своем происхождении. Именно эти новые католики потом, с пылом неопитов, накликали преследования на своих бывших братьев. Нынешние чуеты, единственные майоркинцы, еврейское происхождение которых известно, – потомки посланных обращенных, потомки семей, подвергшихся безумным жестокостям со стороны инквизиции.

Быть чуетой, происходит с улицы Серебряников – сокращенно, просто с улицы, – величайшее несчастье для майоркинца. Пусть в Испании разыгрывались революции и провозглашались либеральные законы, признававшие равенство всех испанцев: приезжая на полуостров, чуета был гражданином, как прочие, но на Майорке он оставался отверженным, своего рода зачумленным и мог вступить в брак лишь со своими.

Вальс язвительно описывал общественный строй, при котором, соблюдая верховую иерархию, жили различные классы острова; – многая ступеньки иерархической лестницы сохранились и теперь неприкосновенными. На вершине – гордые butifarras; затем дворянство, кабалеро; далее mossons; за ними купцы и ремесленники; за купцами и ремесленниками крестьяне – земледельцы. Тут открывалась громадная скобка в порядке, которому следовал Бог, создавая тех и других: громадное пустое место, которое каждый мог заполнить по своей фантазии. Несомненно, за майорскими дворянами и плебеями, в порядке разсмотрения, шли свиньи, собаки, ослы, кошки и крысы... а в хвост всех этих животных Господа Бога ненавистный обитатель улицы, чуета, пария острова, – все равно, будь он богат, как фат капитана Вальса, или интеллигентен, как другие. Многие чуеты, государственные чиновники на полуострове, военные, судьи, финансовые чиновники, возвращаясь на Майорку, встречали посланного нищего, и тот смотрел на себя как на высшее существо, считал себя оскорбленным и раздражался потоком брани против них и их семей. Изолированное положение этого клочка Испании, окруженного морем, сохраняло душу былых эпох.

Тщета чуеты, спасаясь от ненависти; неумиравшей, несмотря на прогресс, обращали свой католицизм в страстную, слепую веру, этой вере сильно способствовал питанный верховными преследованиями в их душу и телом страх. Напрасно продолжали они громко молиться в своих домах, чтобы слышали соседи, подражая в этом отношении своим предкам, которые

д?ляли тоже самое и, кром? того, об?дали у оконъ, дабы вс? вид?ли, что они ?дятъ свинину. Застывшей ненависти, отчужденности нельзя было побороть. Католическая церковь, именующая себя всемирной, была егстока и неумолима съ ними на остров?, своимъ ревнителямъ отв?чала недов?ріемъ и отвращеніемъ. Для сыновей чуеть, желавшихъ сд?латься пасторами, не находилось м?ста въ семинаріи. Монастыри закрывали двери передъ всякой послушницей, происходившей съ улицы. Дочери чуеть выходили замужъ на полуостров? за людей знатныхъ и состоятельныхъ, но на остров? почти не находилось охотниковъ получить ихъ руку и богатство.

– Дурные люди! – продолжалъ иронически Вальсъ. – Труженники, бережливы, живутъ мирно на лон? своихъ семействъ, бол?е ревностные католики, ч?мъ прочіе; но они – чуеты; и разъ ихъ ненавидятъ, у нихъ должно быть что-то особенное. Им?ется... что-то: вы понимаете? Что-то. Кто хочетъ знать, пусть сообразить.

И морякъ со см?хомъ рассказывалъ о б?дныхъ крестьянахъ, н?сколько л?тъ тому назадъ чистосердечно ув?рявшихъ, что чуеты покрыты шерстью и им?ють хвостъ: стоитъ только поймать мальчика улицы, разд?ть его, чтобы уб?диться въ существованіи хвостового придатка.

– А исторія съ моимъ братомъ? – продолжалъ Вальсъ. – Съ моимъ святымъ братомъ Бенито, что громогласно молится и, кажется, готовъ съ?сть священныя изображенія.

Вс? вспоминали случай съ дономъ Бенито. Вальсъ и отъ всей души хохотали – благо его братъ засм?ялся первый. Богатый чуета, взыскивая долги, оказался влад?льцемъ дома и ц?нныхъ земель въ одномъ м?стечк?, въ глубин? острова. Когда онъ отправлялся вступить во влад?ніе новой собственностью, благоразумные сос?ди подали ему добрый сов?тъ. Онъ им?еть право пос?щать свое им?ніе днемъ, но проводить ночь въ своемъ дом?... Никогда! Не помнили, чтобы какой-нибудь чуета заночевалъ въ м?стечк?. Донъ Бенито не обратилъ вниманія на этотъ сов?тъ и остался на ночь въ своемъ дом?. Какъ только онъ легъ, жильцы разб?жались. Выспавшись, хозяинъ вскочилъ съ постели; ни мал?йшаго св?та не прохрдило сквозь щели. Онъ думалъ, что проспалъ, по крайней м?р?, полсутокъ, но оказывалось, была еще ночь. Открылъ окно: голова его больно ударилась о что-то темное. Пытался открыть дверь, но не могъ. Пока онъ спалъ, жители м?стечка замазали глиной вс? отверстія и выходы, и чуеть пришлось спасаться черезъ крышу подъ гиканье торжествующей толпы. Эта

шутка была лишь предупреждением: если онъ станетъ нарушать обычай деревни, въ одну прекрасную ночь проснется среди пламени.

– Очень по – варварски, но забавно! – прибавлялъ капитанъ. – Мой братъ!.. Славный человекъ!.. Святой!..

При этихъ словахъ всѣ смѣялись. Онъ продолжалъ поддерживать сношенія съ братомъ, хотя довольно холодныя, и не скрывалъ обидъ, которыя терпѣлъ отъ него. Капитанъ Вальсъ былъ цыганомъ въ семьѣ, вѣчно на морѣ, или далекихъ странахъ, велъ жизнь веселаго холостяка: на жизнь ему хватало. И послѣ смерти отца братъ остался управлять дѣлами дома и обобралъ его не на одну тысячу дуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прозвище потомковъ евреевъ.

2

«Descamisado» – прозвище ярыхъ сторонниковъ демократической партіи въ эпоху 1820–1823 гг. При., пер.

Roqueta – провіантская башвя старинныхъ кр?постей.

Купить: https://tellnovel.com/blasko-iban-es_visente/mertvye-povelevayut

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)